

Банда Кольки-куна

Автор:

Николай Свечин

Банда Кольки-куна

Николай Свечин

Сыщик Его Величества #18

1905 год, русско-японская война подходит к концу, а в России готовится революция. Японская разведка подготовила из пленных поляков своих агентов, и вернула их на родину вместе с другими военнопленными. Об этом стало известно Департаменту полиции. Лыкову вместе с жандармами поручено выявить и арестовать шпионов. В ходе дознания он узнает о группе бывших солдат, объединившихся для борьбы с царизмом. Их вождем является рядовой Николай Куницын, получивший в плену кличку Колька-кун. Харизматичная личность, бесстрашный, много повидавший, он изобрел собственную модель государства, где править станут крестьяне. Идея увлекает многих, и поймать такого человека трудно – люди помогают ему скрываться от полиции. Лыков начинает поиски и быстро выясняет, что бывшие пленные ему симпатичны и он не хочет сажать их в тюрьму...

Николай Свечин

Банда Кольки-куна

Глава 1

Весточка с Востока

Лыков ходил по тихой, опустевшей квартире на Моховой. Ходил бесцельно: мебель была уже вывезена и большей частью продана, вещи раздали кому попало. С тех пор, как сыщик овдовел, жить в прежних хоромах ему стало невмоготу. Варенька умерла, дети разъехались... Исчезли горничные, сделались офицерами лихие юнкера, друзья сыновей. Жизнь ушла из огромной, прежде шумной и веселой квартиры. Коллежский советник, немного обвыкнув, начал искать жилье попроще. Обвык – это так лишь говорится. Как можно привыкнуть к тому, что ты теперь один? Да, Шурочка в Париже нянчит его, Лыкова, внучку. И два подпоручика служат в Первом Туркестанском стрелковом батальоне. Письмами, стервецы, папашу не балуют. А будто сам он в их годы много думал о родителях? Чего теперь обижаться. Им жить, а ему стареть...

Неделю назад сыщик нашел себе небольшую четырехкомнатную квартиру в новом доме на Стремянной улице. Одна комната предназначалась для кухарки Нины Никитичны. Пожилая аккуратная женщина нянчила еще близнецов, когда те под стол пешком ходили. Сейчас она осталась при Лыкове вести его немудреное хозяйство. Сыновья вступили наконец-то во владение заповедным имением в Костромской губернии. Но прежние порядки сохранили. Титус все так же хозяйствовал, советуясь с собственниками по важным вопросам. Доходы шли в равных долях двум подпоручикам и одной парижанке. Еще десять тысяч в год получал Алексей Николаевич – сыновья настояли. Одинокому человеку, да при полковничьем жаловании, этого хватало за глаза. Овдовев, сыщик еще больше погрузился в вопросы службы. Других интересов уже и не осталось. А служба становилась все труднее, все опаснее. На календаре был май 1905-го. В стране творилось черт знает что...

Лыков сложил в портфель фотографии и письма, те, что еще не перевезли на Стремянную, и собрался уходить. Скоро сюда въедут новые жильцы; прощай, Моховая... Вдруг в дверь позвонили. Не иначе швейцар принес почту. Нина Никитична жила уже по новому адресу, и Лыков пошел открывать сам.

К его удивлению, в дверях стоял молодой артиллерийский капитан, совершенно сыщику незнакомый. Капитан был строен и красив особой восточной красотой. Лыков прошлым летом изъездил вдоль и поперек весь Кавказ и сразу понял, что перед ним бакинский татарин[1 - Бакинский татарин – азербайджанец (Здесь и далее примеч. автора).]. Зачем ему понадобился питерец? Наверно какое-то эхо неприятной истории с тифлисским казначейством. Сыщик разорил его в ту командировку, накрыв с поличным шайку мошенников. В аферах участвовали высшие чины кавказской администрации, тифлисские бандиты и горские

абреки[2 - См. книгу «Тифлис 1904».]. Лыков едва выжил в мясорубке, в которую неожиданно вылилось его дознание. И не хотел теперь вспоминать страшных минут.

Капитан и сыщик какое-то время разглядывали друг друга, потом артиллерист спросил:

– Простите, я не ошибся? Мне нужен Алексей Николаевич Лыков.

– Да, это я, – питерец посторонился, впуская гостя. – С кем имею честь? Вы не из Тифлиса?

Татарин засмеялся:

– Нет, я из японского плена. Одиннадцатого мая, два дня назад, сошел с парохода в Одессе. И прямо к вам.

Лишь тут Лыков заметил, что капитан прячет за спиной палку. И сапоги на нем особенные: один форменный, а второй синего сукна, ортопедический.

– Из японского плена? Ах, видимо, вас отпустили по ранению? – сообразил Алексей Николаевич.

– Именно.

– Так вы артурец! [3 - Артурец – участник обороны Порт-Артура.] Проходите, присаживайтесь. Это большая честь для меня – принимать вас. Мебель вывезли, но вон там осталась пара стульев.

Артиллерист снял потертую шинель, аккуратно поместил на вешалке. Рядом пристроил шашку с анненским темляком. Потом, заметно прихрамывая, прошел в зал и сел. Вытянул раненую ногу, потер ее машинально, но перехватил взгляд хозяина и тут же отдернул руку:

– А, уже почти зажило.

Лыков вспомнил, что писали на днях газеты. В Одессу приплыл пароход «Инкула». На нем вернулись на родину около трехсот офицеров и солдат из плененного гарнизона Порт-Артура. Нижние чины все были после ранения, и японцы отпустили их домой будто бы из человеколюбия. На самом деле, конечно, не хотели кормить и лечить, но люди все равно радовались, оказавшись дома. Офицеры же, в отличие от солдат, должны были дать слово, что не примут участия в продолжающейся войне. И те из них, кто счел возможным так поступить, тоже вернулись на «Инкуле». Тем более что государь особой телеграммой разрешил им это.

Алексей Николаевич наконец внимательно рассмотрел незнакомца, проникаясь к нему уважением. Артурцы дрались храбро, многие из них погибли. Выжившие попали в плен по решению коменданта крепости генерала Стесселя, тут не было их вины. И бесчестия тоже не было. На шее капитана красовалась Анна второй степени с мечами, а на кителе – Владимир четвертой степени с мечами и бантом. Боевой офицер, и пролил кровь... Колено вон до сих пор не гнется...

– Так вы с «Инкулы»? Дали слово, и вас отпустили?

– А вот и нет! – рассмеялся офицер, показав испорченные скорбутом[4 - Скорбут – цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.] зубы. – Слова никакого им не давал. Вот еще! Я хочу вернуть должок этим самонадеянным японцам.

Но перехватил взгляд хозяина, виновато ойкнул и закрыл рот рукой:

– Пугаю всех своим видом, извините. Там плохо было насчет довольствия. Все болели цингой, даже офицеры. Японский доктор прописал мне лимоны-апельсины. Два месяца плыл на пароходе, кушал-кушал эти лимоны... А до сих пор не прошло.

– Как же тогда вас отпустили, если вы слова не давали?

– Ранение помогло, – пояснил капитан. – Нога была в таком состоянии... Ихние врачи смотрели-смотрели, да и руками развели. Сказали, раньше чем через полгода ходить не смогу, не то что воевать. А микадо велел к этому времени уже закончить кампанию. Ну и сми... как это?

– Смилоствились?

– Вот! – опять засмеялся артиллерист. – Извините, немножко нехорошо говорю по-русски.

– Зато хорошо воюете, судя по наградам, – улыбнулся в ответ Лыков. Незнакомец нравился ему все больше. – Так, значит, опять в Маньчжурию? Ведь если обязательств вы никаких не дали, то и препятствий к этому нет?

– Препятствие – вот оно, – капитан похлопал себя палкой по суконному сапогу. – Еще не зажило, собака. Генерал-инспектор артиллерии может не отпустить. Оставит долечиваться – а там и война тю-тю. Сейчас я должен сначала представиться государю. Попрошу его разрешить на фронт через голову великого князя[5 - Великий князь Сергей Михайлович – генерал-инспектор артиллерии.]. Вдруг получится? Как считаете, Алексей Николаевич? Государь соблаговолил наградить меня Георгиевским крестом. Имею я право на просьбу вернуться в Маньчжурскую армию?

– Так вы к тому же и георгиевский кавалер?

– Крест пока не купил, – смутился капитан. – А у вас ведь солдатский, еще с турецкой войны?

– Откуда вам это известно? – поразился Лыков.

Гость сразу посерьезнел:

– Позвольте наконец представиться: Али Ага Шихлинский, командир полубатарей Забайкальского артиллерийского дивизиона. У меня для вас письмо. Секретное. Из Цинтау[6 - Впоследствии вошло в обиход другое название – Циндао, но в 1905 году говорили и писали так.].

Алексей Николаевич вскочил в сильном волнении:

– Из Цинтау?

– Точно так.

– Вы видели его?

– Как же иначе я мог получить письмо? – усмехнулся Шихлинский.

В прошлом году перед отъездом на войну барон Таубе открыл Лыкову важный секрет. Пятнадцать лет назад друзья вместе приплыли на Сахалин. Военное министерство внедряло особо секретного агента, будущего резидента по Германии. Сложным путем, через побег с сахалинской каторги и многолетнее оседание на Дальнем Востоке человек должен был создать убедительную легенду. Таковую, чтобы немецкая разведка не подкопалась. Этим агентом был Федор Ратманов по кличке Буффаленок, сын давно погибшего друга Алексея Николаевича[7 - См. книгу «Мертвый остров»]. Под видом мошенника Фридриха Гезе он будто бы собирался начать новую жизнь. А именно – из беглого каторжника вырасти в почтенного торговца и уважаемого человека. Германские негоцианты в далеких колониях отличаются особой спайкой. Там у них свои клубы, куда нет ходу посторонним; любовь к Фатерланду возведена в обязанность. И любой из них беспрекословно выполнит тайное поручение военного флота, который рыскает по всей Океании в поисках новых баз. Хороший способ проникнуть в разведку – стать ее мелким, но проверенным помощником. А потом, уже с репутацией и капиталами перебраться в Германию. Так вот, по словам Таубе, Фридрих Гезе поселился в Цинтау! Его вращение в среде завершено: он свой человек в этой колонии, богат, успешен и на хорошем счету у военных. Еще несколько лет, и Гезе сможет репатриироваться.

Цинтау – порт на южном берегу полуострова Лаошань в провинции Шень-Дун – был отобран немцами у Китая в 1897 году. Поводом, как всегда, послужило убийство пары миссионеров. На самом деле место для военно-морской базы выбрал сам начальник Тихоокеанской эскадры Альфред фон Тирпиц. Поблизости было много высококачественного угля, что важно для крейсеров. Под дулами их орудий Китай вынужден был передать германцам в аренду на девяносто девять лет бухту Киао-Чусоу[8 - Современное название – бухта Цзяочжоувань.] с поселком Цинтау и пятидесятикилометровую зону вокруг. Немцы очень быстро превратили поселок в первоклассный порт с судоремонтными мастерскими, складочным местом эскадры и огромными торговыми оборотами. Известно, что у колбасников армия и торгово-промышленный капитал всегда идут рука об руку. И вот теперь письмо оттуда, переданное с оказией. Это может быть только послание Буффаленка!

Коллежскому советнику очень хотелось вскрыть конверт. Но он понимал, что делать это надо в присутствии Таубе. А у барона появятся вопросы. И сыщик решил сначала получить на них ответы.

– А как вы попали в Цинтау, Али Ага... простите, как вас по отчеству?

– Полностью меня зовут Али Ага Хаджи Исмаилбек-оглы, – опять рассмеялся капитан; видимо, он был весельчак. – Товарищи обращаются Али Ага. Валяйте и вы так же. А в Цинтау нас, раненых и увечных, привезли сразу после освобождения из плена. Мы провели там месяц в ожидании парохода. Нижние чины помещались в лагерных бараках, а мы, офицеры, – в гостиницах. С удобствами, как полагается... Гуляли по городу, у кого ноги ходят, развлекались. Когда еще попадешь в такое место?

– Понял. Там и познакомились... с господином Гезе?

Лыков с запинкой выговорил новое имя Буффаленка. Шихлинский заметил это и пояснил:

– С Гезе, или как там его на самом деле, мы познакомились в первую же неделю. Катались вместе на шампуньке...

– На чем, простите? – опешил сыщик.

– На шампуньке. Это обывательская шлюпка так у них называется. Правят ею китайцы, возят туристов по бухте. Ну, мы оказались с... на одной посудине. Он все присматривался ко мне. Я сразу почуял – германцу что-то надо. И по-русски говорит лучше меня! Потом он пригласил меня в ресторан. Еще неделю мы встречались, словно бы невзначай. И вот однажды, после биргалле, Гезе позвал к себе в гости. У него хороший особняк на берегу, у подножья горы Ильтис.

– Вас одного?

– Да, мы всегда общались без посторонних.

– И там, дома, он вручил вам это письмо?

– Два письма, – удивил Алексея Николаевича Шихлинский. И тут же пояснил: – Одно, он прямо заявил, для отвода глаз. Если германцы заметят наши встречи и захотят обыскать мои вещи. Там адресатом какой-то воспитатель приюта здесь, в Петербурге. В нем Гезе воспитывался с детства – так сказал, да. Будто бы ему, по старой памяти, негодичник и написал. А настоящий пакет, вот этот, он просил всегда носить при себе. И ни при каких обстоятельствах не оставлять в гостинице. А как приеду в столицу, сразу вручить его вам.

У Лыкова уже кончалось терпение. Хотелось скорее узнать, что в конверте. Но нужно было сначала проститься с неожиданным гостем. А тот не спешил уходить. Он мялся-мялся, потом сказал:

– Алексей Николаевич... Гезе, или кто он там на самом деле, кое-что рассказал о вас. Про Георгиевский крест и не только... Я знаю, что вы служите в полиции. Что у вас друзья в разведочной службе Военного министерства.

Сыщик заерзал.

– Гезе доверился мне потому, что деваться было некуда, – вступился за Буффаленка капитан. – И ордена мои сыграли роль. Так вот про вас. Понимаете, я никого здесь не знаю. А мне нужен совет. Спросить некого, а вы георгиевский кавалер, и видно, что человек достойный. Выскажите свое мнение, и я уйду. Понимаю, как вам не терпится заглянуть в бумаги.

– Я весь внимание, уважаемый Али Ага. Но что у вас за вопрос?

– Он моральный, вот какой вопрос. Как быть, не знаю. Вы старше вдвое, у нас на Кавказе старших очень уважают, да. Вот что хочу спросить. Помните, я говорил, что буду представляться государю?

– Да. Он в обязательном порядке принимает всех офицеров – участников обороны Порт-Артура.

– Я знаю, – кивнул Шихлинский. – И увидеть Его Величество – большая честь. Однако мои товарищи там, в плену... Вся их вина в том, что они не ранены, как я. И отказались дать подписку японцам, что не станут впредь воевать с ними. В нашей бригаде все отвергли как один человек и сидят там сейчас, бедные, горюют. А я – к государю!

– Ну и что? – не понял вопроса коллежский советник. – В чем же ваша вина, если вы попали под пулю?

– Под осадную шрапнель я попал, а не под пулю, – поправил собеседника Шихлинский и взволнованно продолжил: – Ну как же вы не понимаете? Мои товарищи достойны чести беседовать с государем не меньше меня! Но пока лишены ее. Чем же я лучше них? Только тем, что ранен? Вот кончится война, они вернутся, тогда все вместе к нему и пойдем!

Лыков всегда любил кавказцев за их особые представления о чести. То, что для коренного русака кажется в порядке вещей, для горцев выглядит иначе. И сейчас капитан с негнущейся ногой и цинготными деснами стесняется представляться императору! Потому лишь, что его боевые товарищи не могут пойти с ним. Он готов ждать их возвращения из плена. Хотя беседа с самодержцем – несбыточная мечта любого офицера...

– Не знаю, что вам посоветовать, – обескураженно ответил хозяин гостю. – И так и эдак можно поглядеть. Государь – очень занятой человек, когда еще будет такая возможность?

– А как бы вы сами поступили на моем месте?

– Я?

Лыков надолго задумался, а потом честно ответил:

– Я бы дождался товарищей. Извините, если вы желали услышать другое.

Но Шихлинский посветлел лицом, крепко пожал сыщику руку и сказал:

– Вот и я подожду. Рад получить поддержку своим мыслям[9 - Али Ага Шихлинский так и не пошел в тот раз представляться государю. Он сделал это лишь 26 ноября 1905 года на приеме для георгиевских кавалеров.].

Мужчины простились по-дружески. Алексей Николаевич еще раз поблагодарил артурца за доставку письма. И попросил сохранить всю историю в тайне.

Едва дверь за капитаном захлопнулась, Лыков разорвал конверт. Не удержался, хотя следовало передать его Таубе невскрытым. Внутри оказался другой пакет, запечатанный сургучом. Сыщик дрожащими от нетерпения руками взломал его и вытряхнул на стол несколько густо исписанных листов. Взял верхний и прочитал: «Дорогой Алексей Николаевич! Это я. Понимаю, что нарушил все правила и получу сами знаете от кого взбучку. Но не мог упустить такую возможность. Капитан – человек надежный. А тут такие дела...».

Дальше он читать не стал и подбежал к телефону. Крутанул ручку, велел барышне соединить его с номером, который помнил наизусть. Когда в трубке раздался голос генерал-майора Таубе, сказал:

– Тут Лыков. Надо срочно встретиться.

– Привет, Алексей. Срочно не могу, у меня через час лекция по военной статистике.

Вернувшись из Маньчжурии без руки, Таубе с трудом добился, чтобы его оставили в строю. Назначенный преподавателем Николаевской академии[10 - Академия Генерального штаба.], он относился к своим новым обязанностям очень серьезно. Вдруг придерутся к чему-нибудь и выгонят из армии? Лыков понимал это и не решился спорить.

– Хорошо. Когда ты освободишься?

– В шесть выйду из аудитории, в семь окажусь дома.

– Я буду ждать тебя там!

Глава 2

Плохие новости

Таубе жили на Выборгской стороне, в непрестижном Нейшлотском переулке. Место отдаленное и малоустроенное, зато квартиры дешевые. Генеральского

жалования Виктора Рейнгольдовича едва хватало на более-менее сносную жизнь на окраине столицы. Несколько лет назад он получил по наследству два имения в Лифляндии, продал их и купил целый этаж в небольшом деревянном доме. Средств, полученных от продажи, не хватило, и Таубе занял дополнительно у богатого товарища. И теперь отдавал Лыкову по пятьдесят рублей в месяц. Получалось все равно дешевле, чем снимать квартиру, а главное – собственное жилье!

Барон появился, как и обещал, в семь пополудни. Сбросил шинель с вдетым в карман левым рукавом. Китель был подобран таким же образом. Хорошо хоть пострадала не правая рука! Иначе пришлось бы долго переучиваться, а так еще куда ни шло.

Таубе вернулся с войны калекой, но получил за службу лишь Владимира третьей степени с мечами. Не повезло. Он начал воевать во главе дивизии, а потом сдал ее, перейдя начальником штаба в Третий Сибирский армейский корпус к генералу Иванову. А там уже через неделю угодил под шимозу. В результате барона посчитали чужим на прежнем месте, и на новом он не успел прижиться. Николай Иудович[11 - Генерал Иванов.] украсился орденами и золотым оружием, а однорукого барона прокатили с ветерком. Чудом потом вспомнили и бросили крестик...

– Ну что там у тебя? – спросил Виктор Рейнгольдович гостя, торопливо целуя жену и дочку.

– Ахнешь, – пообещал сыщик, дожидаясь, пока те уйдут из комнаты.

– Что за тайны мадридского двора?

Генерал-майор был чем-то недоволен. Семья почувствовала это и быстренько скрылась во внутренних комнатах. Лидия Павловна успела рассказать сыщику, что это теперь обычное состояние мужа. Виктор Рейнгольдович вернулся из Маньчжурии не только без руки, но и с расстроенными нервами. Совсем не так представлял он возможности русской армии! Отдал ей всю жизнь, а она теперь бездарно погибала за лесные концессии для кучки негодяев[12 - Русско-японская война началась в том числе из-за появления лесных концессий на реке Ялу, в местности, входившей в сферу японских интересов. Совладельцами концессий были лица из ближайшего окружения государя (Безобразов, Абаза,

Алексеев и проч.).]. В обществе репутация армии и флота упала как никогда низко, офицеров освистывали на улицах. Неудачи на полях сражений возбудили преступный элемент. Враги самодержавия использовали бедствия кампании для развала страны. Заграница откровенно радовалась русским бедам, только французы горевали вместе с нами. Японские военные придумали обидную присказку про нашу армию: «Сто битв – сто поражений». Действительно, ни на суше, ни на море русскому оружию не удалось выиграть ни одной битвы...

– Я получил письмо из Цинтау, – огорошил гость хозяина. Тот чуть не свалился со стула:

– От него?!

– Других знакомых у меня там нет.

– Покажи!

Таубе выхватил из рук сыщика пакет и принялся раскладывать на столе его содержимое.

– Черт! Глазам не верю! – говорил он при этом другу. – Это Федора рука? Не узнать. Научился подделываться, молодец.

Вдруг генерал распрямился и вперил взгляд в Лыкова:

– Но как он прислал это письмо? Неужели почтой?

– Нет, с оказией.

– Какая оказия может быть из Цинтау?

Алексей Николаевич рассказал про визит хромого капитана с татарской фамилией. Заключение он так:

– Али Ага все понял, конечно. Намекнул про разведку. Но он производит очень хорошее впечатление. Надеюсь, не разболтает. Боевой офицер все-таки...

– Шихлинский? Никогда не слыхал про такого. Надо бы отыскать капитана и предупредить. Но я сам сейчас не при делах. Ошиваюсь при академии, а разведку ведут другие люди.

– Да, но Буффаленок – твой агент, а не этих «других людей». С ними он и говорить не станет.

– Он агент Военного министерства, даже всей России, если угодно, – возразил барон. – А уж никак не генерала Таубе. Что же делать? Алексей, сам посуди: Ратманов-Гезе уникален. Рано или поздно он внедрится в самой Германии. Операция тянется уже пятнадцать лет и скоро начнет давать результаты. Но за эти пятнадцать лет много воды утекло. Сейчас в Генеральном штабе секретными вопросами занимается специальный отдел...

– Знаю, – скривился коллежский советник. – Когда я дознавал смерть профессора Филиппова, то познакомился с твоими преемниками. В том числе с генералом Целебровским, начальником военно-статистического отдела Управления второго генерал-квартирмейстера Главного штаба. Так теперь называются русские шпиёны?

– Так.

– Пустомеля господин Целебровский, вот что я тебе скажу. Не чета тебе.

Таубе усмехнулся:

– Виталий Платонович вежливый и образованный, знает три с половиной языка. Служил под моим началом, был управляющим Военно-ученого комитета. Когда реорганизовали Главный штаб, перешел туда, возглавил военно-статистический отдел. Но он уже не при делах.

– Не справился? – язвительно спросил коллежский советник. При личной встрече два года назад начальник русских шпионов не произвел на него впечатления.

– Англичане сняли его с должности.

– Англичане? Русского генерала? Это как?

Таубе пояснил:

– Для того имеются особые приемы. В нашем случае к Целебровскому в кабинет явился некий Вильтон, аккредитованный как журналист. Но он, конечно, был разведчик под вывеской журналиста. Ну, явился, побеседовал с генералом... Тому по должности полагается иметь дело с иностранными газетчиками. А потом Вильтон изложил их беседу в прессе в таком духе, что вся Британия разъярилась. Якобы Целебровский грозил, что Россия накажет англичан за помощь японцам. А именно – захватив Кашмир!

– Наврал?

– Конечно. Начальник Главного штаба затребовал объяснений, и выяснилось, что это очевидная ложь. Но Вильтон настаивал. Заявил, что Целебровский даже показывал ему на карте, по каким горным перевалам двинутся русские дивизии.

– Опять врал?

Виктор Рейнгольдович возмутился:

– В кабинете генерал-майора Целебровского нет такой карты! Есть одна, с театром войны в Маньчжурии, и все. А как ты покажешь на карте Маньчжурии перевалы Гиндукуша?

Лыков помолчал, обдумывая услышанное. Потом уточнил:

– Почему же тогда генерала сняли?

– Решили не обострять отношений с Великобританией. Все ведь понимают, что рано или поздно нам придется сделаться союзниками.

– Против Германии? – догадался сыщик.

– Да. И чтобы облегчить сближение, государь не стал спорить и тихо убрал Виталия Платоновича. Теперь тот занимается крепостями и радуется, что легко отделался. На его место назначили генерал-майора Ермолова, бывшего нашего военного агента в той же Великобритании. Николай Сергеевич вполне

подготовлен для такой работы, он умный и порядочный человек. Но, как ты понял, мне туда нельзя. Во-первых, место занято. Не отпихивать же мне Ермолова! А во-вторых, англичане не дадут. У них ко мне старые счеты. Помнишь, что было в Дагестане?[13 - См. книгу «Пуля с Кавказа».]

– Так тому сто лет в обед!

– Альбион ничего не забывает. Поэтому, Алексей, путь в разведку для меня теперь закрыт. Да к тому же я однорукий калека. Надо думать о том, как помочь Буффаленку наладить связи с нынешним руководством. Я могу – и хочу – быть посредником, но не более. У Федора задание стратегического масштаба. В будущей войне с Германией нам очень понадобится такой резидент. А в Военном министерстве о нем знаю я один!

– Неужели? – усомнился Лыков. – Ведь тогда, в восемьдесят девятом, твои люди участвовали в операции. Взять того же Артлебена...

– Я один, – подтвердил Таубе. – Еще знали покойный государь и Ванновский[14 - Ванновский П.С. – в 1889 году военный министр.], но оба уже в земле. Артлебен и другие если и догадывались, то не более того. А теперь этот агент большого калибра, будущий резидент и наша надежда в грядущей войне, – прислал письмо из Цинтау. В нарушение всех инструкций, через посредство случайного человека. Вот нахал!

Лыков рассмеялся:

– Федор с этого и начал свое послание: сами знаете кто намнет мне холку. Ну давай уже, читай. Вслух. Пора выяснить, что там такое случилось. Не просто же так Буффаленок нарушил инструкции.

Барон разложил на столе листы. В пакете оказались следующие бумаги: личное письмо Ратманова Лыкову и Таубе, сведения о крепости и порте Цинтау, очерк колонизации Германией территорий в Океании и записка о диверсии японской разведки против России. В личном письме Федор так и написал: последний документ самый важный. И лишь из-за него он пошел на риск. Обошлось бы наше Военное министерство и без данных о мощностях германского минного депо в бухте Киао-Чусоу! А вот диверсия...

О ней Ратманов-Гезе сообщил все, что смог узнать. По его сведениям, с 22 по 30 июня 1904 года в Токио проходили секретные переговоры польских революционеров с японским Генеральным штабом. Для этого вожди ППС[15 - ППС – Польская социалистическая партия.] Пилсудский и Филипович тайно прибыли в Японию под чужими именами. От японцев переговоры вел генерал Ацуси Мурата, начальник одного из отделов Генерального штаба. Стороны обо всем договорились! Военные обещали полякам значительную финансовую помощь на ведение подрывной деятельности против России. Включая диверсии, саботаж, сбор разведданных, организацию вооруженного восстания в Привислинском крае и массу других действий, направленных на ослабление монархии. За предоставление одних только разведывательных сведений о русской армии полякам платят по девятистам английских фунтов в месяц. Еще помогают ввозить в Польшу оружие для боевиков и обещают не выдавать России польских дезертиров по окончании войны.

Буффаленок писал также, что известная демонстрация в Варшаве на Гжибовской площади 13 ноября 1904 года была устроена людьми Пилсудского на японские деньги. Тогда впервые за последние сорок лет поляки дали вооруженный отпор полиции и казакам, когда те попытались разогнать людей. С обеих сторон были убитые и раненые, а зачинщики ускользнули. С 1863 года Варшава не знала таких событий!

Самое важное было в конце записки. Гезе сообщал, что в структуре руководства ППС создан разведывательный департамент[16 - Это был блеф, ложь, придуманная Пилсудским, чтобы солиднее выглядеть в глазах японцев.]. Специально для сбора шпионских сведений о русской армии и проведения диверсий. На помощь ему японцы отправили несколько человек, завербованных из числа военнопленных. Эти люди прошли курс обучения в секретной школе и были отправлены в Россию вместе с группой других репатриантов на пароходе «Инкула». Там самом, на котором приплыл три дня назад в Одессу капитан Шихлинский. Японцы отпустили в общей сложности около трехсот человек, якобы из соображений гуманности. Теперь становилось ясно, что это была операция прикрытия.

Имен шпионов Буффаленку выяснить не удалось, но все они были поляки.

– Так, – взъерошил седые волосы барон. – Четвертый день, как эти агенты в России. Уже разбежались, черти. Но наверняка есть списки. Выбрать из них панов и – под лупу. Перекрестными допросами, в том числе русских их

товарищей по плену, всех выявим!

– Этим кто будет заниматься? – полез в детали Лыков. – У Лаврова[17 - Лавров В.Н. – начальник военной контрразведки в 1905 году.] сил не хватит. Придется передать все Особому отделу Департамента полиции и его охранным отделениям. И как ты им объяснишь, откуда получил сведения о шпионах?

– А! – отмахнулся генерал-майор. – Наврем что-нибудь. Сложнее будет со своими, с военными.

– Это почему же?

– Сейчас готовится очередная реформа. Из Главного штаба выводится вся обер-квартирмейстерская часть, включая разведку. И передается во вновь создаваемое Главное управление Генерального штаба.

– погоди, – взмолился Алексей Николаевич. – Я уже запутался. Штабы, управления, и все главные... Нам-то что с того?

– Ну как же! Реформа всегда влечет за собой суеу и беспорядок. На переходный период. Пока генералы и офицеры пересядут из одного кресла в другое, пока оформят все бумаги, заведут новые бланки, поделят обязанности... Им будет не до службы.

– И долго продлится этот переходный период?

– Обычно полгода. Потом можно начинать говорить о деле.

– Вдруг оно и к лучшему? – задумчиво протянул коллежский советник. – А то с нашими тупыми генералами... Знаю я одного: дундук, хоть и барон!

– Да, – согласился Таубе, – мы, бароны, такие...

Но Лыков уже думал о другом:

– Черт, как не вовремя! У нас в МВД ведь еще хуже, чем у вас. Что в департаменте, что в министерстве. Главная фигура теперь Трепов. Старые

кадры разбежались, набирают одних судебных. Людей, понимающих, что такое розыск, почти не осталось. Притом что в стране вот-вот грянет революция!

Действительно, в Российской империи все трещало по швам. Начало этому положила сама власть. После убийства Плеве министром внутренних дел стал князь Святополк-Мирский. Сторонник компромиссов и либерал, он пытался отказаться от назначения. Честно заявил государю, что не приемлет пути репрессий, по которому шел его предшественник. И просит не делать его главой такого зловещего ведомства. Но царь настоял. И на словах согласился, что с обществом надо как-то договариваться... Это окрылило доверчивого князя, и он ударился в заигрывания с тем самым обществом. Начал новый министр с того, что уволил трех товарищей[18 - Товарищ министра – его заместитель.] Плеве (Стишинского, Валя и Зиновьева), а также директора Департамента общих дел Штюмера. Причем сделал это заочно, из своего имени! Святополк-Мирский вообще не спешил приступать к выполнению обязанностей. Назначенный министром еще 26 августа 1904 года, он появился на Фонтанке лишь 16 сентября. В стране все полыхало, а князь три недели собирался в дорогу... Уже тогда Лыков понял, что добром правление Святополка не кончится. И не ошибся.

Мирский сразу отдал непопулярные полномочия в другие руки. На должность товарища, командира корпуса жандармов он взял генерала Рыздзевского. И поручил ему же заведывать делами по пресечению преступлений и охранению общественной безопасности и порядка. На тот случай, если боевики вдруг захотят отомстить за репрессии, пусть бомбы летят в генерала... Сам князь написал царю обширную записку, в которой предлагал расширить состав Государственного совета за счет привлечения в него представителей общества. Не бог весть какая новация: о подобном говорили уже много лет. Но даже эта скромная идея застряла, особенно когда ее прокомментировал Победоносцев. Еще Мирский разрешил съезд земских деятелей. Видимо, он не понимал последствий подобного шага. Земцы собрались и сразу завели речь о необходимости реформ. Началась всероссийская говорильня. По всей стране собирались «прогрессивные силы» и сочиняли адреса, в которых требовали народного представительства. Собrania и речи захлестнули империю. А, поскольку министр внутренних дел разрешил первый из съездов, власти на местах не посмели закрыть другие собрания. Как грибы после дождя появились различные союзы: врачей, адвокатов, журналистов, типографских рабочих, железнодорожников, а затем даже и священников. Вскоре был учрежден объединивший их «Союз союзов» и сразу стал влиятельной силой. Власть своими руками создала себе противника. Мирский радовался, как удачно развивается его диалог со здоровыми силами, и кланчил у государя новые послабления.

Одновременно с этим в столице оживилось движение рабочих. Возглавил его старый агент Зубатова священник Гапон. Бывший начальник Особого отдела Департамента полиции и изобретатель «полицейского социализма» отбывал ссылку во Владимире. А Гапон мучил рабочих и звал их идти к царю. Он-де стоит над всеми и понимает чаяния народа, а министры мешают прямой связи монарха с подданными. Надо вручить Его Величеству петицию, где все будет написано. У царя-батюшки тут же откроются глаза на то, как живут его дети. Он одернет зарвавшихся заводчиков, и начнется хорошая жизнь. Так или примерно так хитрый поп дурил людей на глазах у полиции. Недалекий градоначальник Петербурга Фуллон помнил, что Гапона к нему прислали из МВД, и считал его действия согласованными с властью. И в результате всеобщего непонимания и легкомыслия грянул гром.

3 января с Путиловского завода были уволены четыре человека, все из рабочего общества, руководимого Гапоном. Сразу же началась стачка – люди требовали вернуть своих товарищей на работу. Администрация отказалась. На завтра к стачке примкнули соседи, а через день забастовали все предприятия Петербурга. Газовый завод и электростанция тоже прекратили работу, город погрузился в темноту. 7 января типографские рабочие прекратили печатать газеты. Власть растерялась, обыватели ошалели. Темно, страшно, и никаких новостей из внешнего мира... Наконец стало известно, что 9 января Гапон поведет многотысячную толпу рабочих к Зимнему дворцу.

Ближайшее окружение государя совещалось с утра до вечера. Сам Николай жил в Царском Селе и не собирался ехать в город разговаривать с народом. Впустить в центр столицы десятки тысяч возбужденных пролетариев представлялось немыслимым: будет еще одна Ходынка. Уговорить попу остановить людей никто даже не пытался. И тогда разрешение опасной ситуации возложили на военных. А именно – на великого князя Владимира Александровича, командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Как солдаты будут останавливать гигантскую толпу, самые умные догадывались... Полиция служила у армии на подхвате и до последнего пыталась предотвратить кровопролитие. В итоге немало правоохранителей погибло от пуль.

Утром 9 января рабочие пятью колоннами двинулись в центр города. Гапон вел путиловцев с иконами и хоругвями. Люди шли плотной толпой, задние подпирали передних. На мосту через речку Таракановку шествие остановили и приказали разойтись. Никто из людей не поверил, что сейчас в них будут стрелять боевыми патронами. Когда началась пальба, полицейские,

сопровождая колонну, закричали офицерам: «Что вы делаете?!». Их положили следующим залпом.

Другие колонны тоже рассеяли огнем. Кровь пролилась на Невском проспекте у Полицейского моста, на Гороховой возле Адмиралтейства и на Каменноостровском проспекте перед Троицким мостом. Тех, кто все же пробился к дворцу, добивали у Александровского сада. Но в одном месте народ оказал сопротивление. Колонна, шедшая с Васильевского острова, была остановлена на мостах. После первых залпов толпа ринулась назад. Люди разгромили завод по производству холодного оружия Шора, взяли шашки и кинжалы, выстроили баррикаду и удерживали ее несколько часов. Завязался самый настоящий уличный бой, и пехота с трудом разогнала возмущенных рабочих.

Как нарочно, начальство именно туда послало Лыкова наблюдать за обстановкой. Тот предусмотрительно надел шубу, а не форменное пальто, но пистолет не взял. Когда двое оборванцев, вооруженные белым оружием[19 - Белое оружие – холодное.], увидели гуся в бобровой шапке, то сразу им заинтересовались. Лыков кинулся убежать по Кадетскому переулку. А что еще ему оставалось делать? Кругом сотни разъяренных людей, тут и там раненые и убитые. Звать городских бесполезно – никто не придет на помощь. Люди озверели и искали, кому из начальства отомстить. Надеяться приходилось лишь на быстрые ноги. Но парни были моложе и догоняли коллежского советника. Возможно, его жизнь так бы и окончилась на Василии, но сжалился швейцар одного из домов. Он увидел погоню, распахнул дверь, впустил хорошо одетого господина в подъезд и сразу закрылся изнутри. А затем вывел его через задний ход на соседнюю улицу. Рабочие постояли-постояли, матерились, грозили швейцару, разбили окошко, пытались выломать дверь, но потом ушли. А Лыков весь вечер успокаивался коньяком. На другой день он приехал в Кадетский переулок, нашел своего спасителя и вручил ему тысячу рублей. И посоветовал на время исчезнуть...

Расстрел войсками безоружных людей потряс страну. А тут еще полиция, как нарочно, запретила отдавать тела погибших родственникам: их похоронили тайно, ночью, в братских могилах, словно преступников. Молва сразу многократно преумножила количество жертв: называли дикие, неправдоподобно огромные цифры. Петербург опустел, его жители от ужаса боялись выйти на улицу. Лыков, как и все порядочные люди в Министерстве внутренних дел, был в шоке. Как служить дальше? Что это за власть, которая убивает своих же? Кто ответит за пролитую кровь? Он приехал к Таубе и полночи спорил с ним. Уходить

или не уходить в отставку? Барон, сам потрясенный, убеждал друга остаться на службе. Иначе кто будет поправлять этих идиотов, что пилят сук, на котором сидят?

– И как я в чине шестого класса буду поправлять министра? – вопрошал Алексей Николаевич. – Кто меня послушает?

– Но ты и не коллежский регистратор! – отвечал Таубе. – Трудно все поменять, но многое в твоих силах. А уйдешь – кто вместо тебя останется?

– Да у нас половина департамента в смятении, лыжи настораживают, не знают, как дальше быть.

– Тяжело, понимаю, – кивнул генерал. – Самому стыдно, словами не описать. В Маньчжурии мы бежим, подобно зайцам. А в собственной столице проявляем чудеса героизма, расстреливая безоружных. Не для того армия нужна государству! Но... что делать? Ну, ты уйдешь, я уйду. Лучше станет России от этого?

В итоге Лыков остался на службе, но внутри него сломался какой-то важный стержень. Он начал стыдиться своей принадлежности к МВД. И задумываться, тому ли, кому следует, он давал присягу. А если жизнь вдруг поставит перед выбором? А если и ему однажды прикажут нажать на курок, когда с той стороны будут стоять не бунтовщики, а простые люди? Недовольные властью – а как можно быть ею довольным? – и требующие правды. Что тогда делать коллежскому советнику? Алексей Николаевич гнал от себя такие мысли; даст Бог, пронесет. К счастью, он был уголовный сыщик. А злодеи всех мастей подняли голову, желая воспользоваться сумятицей. Вал преступлений нарастал, как лавина в горах. И было не до сантиментов, только успевай поворачиваться.

В результате со службы ушел сам князь Святополк-Мирский. Правые называли его Святополк Окаянный. Благодушного либерала сделали козлом отпущения за Кровавое воскресенье и выкинули прочь. Новым министром стал Булыгин, бывший московский губернатор. Человек из окружения «хозяина» Москвы, великого князя Сергея Александровича, он был мало подготовлен к столь ответственной должности. Порядочный, неглупый, с опытом администратора – но не государственного деятеля, Булыгин был еще и ленив. Он походил на покойного министра Сипягина: барин до мозга костей, добродушный и

легкомысленный, не способный к тяжкому повседневному труду. Александр Григорьевич вступил в должность 20 января 1905 года. А за девять дней до этого на небосклоне власти засияла новая яркая звезда. Петербургским генерал-губернатором и командующим войсками столичного гарнизона был назначен Дмитрий Федорович Трепов. Еще один сотрудник Сергея Александровича, бывший московский обер-полицмейстер, он вдруг выскочил на первый план. Государь сразу дал ему диктаторские полномочия в столице. А поскольку все в России решалось именно там, Трепов сделался фигурой высшего разряда. Единокровный, но незаконный брат германского императора занял должность не по уму, однако самонадеянно мнил себя великим визирем[20 - Отец «визиря» Ф.Ф. Трепов, знаменитый петербургский обер-полицмейстер, был незаконным сыном германского императора Вильгельма Первого. Его малышом нашли на лестнице фрейлинского отделения Зимнего дворца, куда подбросили после рождения. Как раз незадолго до этого Вильгельм, тогда прусский король, долго гостил в Петербурге. Подкидышу дали фамилию Трепов, от немецкого слова Treppe – «лестница».]

Великий князь не успел воспользоваться тем, что два ближайших его сотрудника пошли в рост. 4 февраля его разорвало бомбой в собственной карете. Фрагменты тела Сергея Александровича потом долго находили в самых неожиданных местах: на крышах кремлевских корпусов, на куполах Чудова монастыря... Узнав о гибели бывшего патрона, Трепов ворвался в кабинет директора Департамента полиции Лопухина. Крикнул ему в лицо лишь одно слово: «Убийца!» – и выбежал вон. Лопухин за неделю до покушения отказался подписать ассигновку на усиление охраны великого князя. Теперь это стоило ему должности – он вылетел в эстляндские губернаторы.

Новым начальником Лыкова стал Сергей Григорьевич Коваленский. Правовед и судейский крючкотвор, он не знал розыскной прозы и испытывал к ней брезгливость. Дела в Департаменте полиции сразу замедлились, вал бумаг нарастал, а исполнители притихли. Настойчивость и решительность в службе сделались немодны и даже опасны. Текущие дела кое-как тащил вице-директор Зуев, крупные инициативы были отложены.

Центр принятия решений переместился из МВД в канцелярию генерал-губернатора. Властолюбивый и напористый Трепов один командовал всей правоохранительной системой. Но собственных идей у генерала сроду не водилось, он слушал всех подряд и в итоге ничего не предпринимал. Булыгин обиделся и самоустранился от вопросов политического сыска. А тут еще

пронесся слух, что Трепова скоро сделают товарищем министра, заведывающим делами полиции. С оставлением в должности генерал-губернатора! При таком раскладе капризный Булыгин становился уже вовсе ширмой. С досады он переехал на министерскую дачу на Аптекарском острове и с утра до вечера играл там в винт с директором Департамента общих дел Ватаци. И это в то время, когда в России все кипело и волновалось.

Единственный настоящий знаток полицейского дела, Петр Николаевич Дурново, оставался в должности товарища министра. Но вместо борьбы с крамолой ему поручили заниматься почтой и телеграфом... На роль главного специалиста вышел тайный советник Рачковский. Враг Плеве, он год назад был уволен им с должности заведывающего заграничной агентурой Департамента полиции. Теперь при дилетанте Трепове Рачковский взял большую силу. Коваленский смотрел ему в рот, а министр играл в карты... Выходило, что сведения от Буффаленка Лыков должен был в первую очередь сообщить Рачковскому.

Сыщик хорошо знал Петра Ивановича и отдавал должное его опытности. В молодости тот был инициативен, смел, лично принимал участие в специальных операциях. В 1887 году помогал Лыкову дознавать, кто покушался в Германии на Благово[21 - См. книгу «Варшавские тайны»]. Но за прошедшие с тех пор годы Рачковский заматерел, оброс связями. Он сыграл важную роль в установлении союзных отношений России с Францией, общался с президентами и министрами, успешно играл на бирже. И отвык от практической сыскной деятельности. Правда, в Особом отделе Департамента полиции сидел его человек, статский советник Гартинг. Тоже давний знакомый Лыкова, Аркадий Михайлович руководил Четвертым отделением, которое как раз и занималось борьбой со шпионажем. Но при существующем безвластии Гартингу требовалась команда сверху. Директора, Коваленского, он в грош не ставил, понимая, что тот фигура временная. В результате приятели разделились: Таубе пошел к генералу Ермолову, а Лыков отправился искать Рачковского.

Из соображений субординации начал он с визита к непосредственному начальству. Вице-директор Зуев выслушал рассказ коллежского советника внимательно. Аккуратный, трудолюбивый и всегда немного затурканный, Нил Петрович звезд с неба не хватал, но дело знал. Узнав о появлении в Одессе группы польских изменников, он почесал нос и пробормотал:

– Сволочи... Давно прибыли?

– В среду.

– Хм... Я могу, конечно, дать указание Аркадию Михайловичу. Но лучше, если это сделает Рачковский.

– Понимаю, Нил Петрович. Хочу согласовать с вами, что обращусь через вашу голову к нему.

– Считайте, что согласовали.

– Наш-то как, все любитесь?

Зуев смачно выругался. Коваленский женился вторым браком на разводке и поэтому уже третий день на службе не появлялся. Живут же люди! В стране такое творится, а директор Департамента полиции крутит амуры. Нет, это до добра не доведет...

Заручившись согласием начальства, Лыков по телефону отыскал Рачковского. Тот обнаружился в Зимнем дворце. Там поселился Трепов, якобы из-за угрозы покушения, но больше для демонстрации своей близости к государю. Петр Иванович жил со всемогущим диктатором в одной квартире, чтобы всегда быть под рукой. Узнав, что у Лыкова важные новости, тайный советник назначил ему встречу в канцелярии генерал-губернатора. К Алексею Николаевичу, ученику Благово, он с давних пор относился с уважением.

Через полчаса сыщик сообщил Рачковскому то, что узнал из письма Буффаленка. Сослался при этом на личную агентуру – будто бы это она доставила сведения. Петр Иванович не удивился и заявил:

– Нам давно известно о соглашении между Пилсудским и япошками. Сейчас террористы на их деньги закупают оружие для восстания. Там кавказцы, финляндцы, поляки, да и наши не отстают. Но вербовка военнопленных – это что-то новое. Давно пришел пароход?

– Четыре дня назад.

– У кого списки прибывших?

Лыков развел руками:

– Не знаю. Я же уголовный сыщик – не моя вотчина.

Тайный советник схватил трубку телефона и приказал соединить его с Гартингом.

– Аркадий Михайлович! К вам сейчас подойдет Лыков. Да, Алексей Николаевич. Сообщит кое-что интересное. По вашей части! Примите меры. Все-все, какие сможете. Держите меня в курсе этого дела. Понадобится помощь – обращайтесь.

Положил трубку, поднялся, протянул коллежскому советнику руку. Тот пожал ее и, не выпуская, сказал:

– Жандармов бы еще, а? В департаменте сейчас бардак, Особый отдел всё законы читает, а дознанием никто не занимается.

Действительно, начальник отдела Макаров, из судейских, своей главной задачей считал соблюдение прав подсудимых. Дело это, конечно, полезное, но, когда горит дом, посуду не берегут...

– Я прикажу Герасимову помочь вам с Гартингом, – сразу же согласился Рачковский. – Он ежедневно докладывает Трепову, будет и сегодня. Большой специалист! Хотя и несколько самонадеян...

Подполковник Герасимов был новым начальником Петербургского охранного отделения. Он получил назначение на эту должность лишь в начале февраля, но быстро успел отличиться. Уже в марте агенты Герасимова арестовали группу террористов, готовивших покушение на ряд сановников. Говорили, что в числе намеченных жертв значился и великий князь Владимир Александрович, как ответственный за Кровавое воскресенье. Лыков с Герасимовым пока знаком не был, но слышал уважительные отзывы.

– Благодарю, Петр Иванович. Пойду к Гартингу, надо торопиться.

Так сыщик дал ход сведениям, полученным от Буффаленка. Власти начали выяснять судьбу въехавших в страну изменников-поляков. Первым делом

запросили списки вернувшихся военнопленных. Оказалось, что начальником эшелона был капитан Шихлинский! Хотя на корабле были офицеры старше его в чине, именно ему собрание офицеров поручило командовать пассажирами. Уже через день Лыков с Гартингом внимательно изучали списки, полученные от хромого капитана.

Всего на «Инкуле» вернулись в Россию триста девять человек. Состав был смешанным: шестьдесят офицеров и военных чиновников, остальные – нижние чины армии и флота. Моряки оказались из экипажей русских кораблей, интернированных немцами в порту Цинтау. После боя 28 июля 1904 года в бухте укрылись броненосец «Цесаревич» и миноносцы «Бесшумный», «Бесстрашный» и «Беспощадный». А после падения Порт-Артура вырвался из блокады и добрался до германской колонии миноносец «Властный». Сами корабли по условиям военного времени остались в Цинтау, а большая часть команд была отпущена немцами домой. Поэтому и арендовали «Инкулу» – английский пароход, – чтобы японцы не решились препятствовать рейсу.

Из сухопутных на борту были офицеры-артурцы, давшие слово не воевать против микадо, да еще пять или шесть человек, такого слова не дававших. Как и капитан Шихлинский, они относились к тяжелораненым, и японцы отпустили их без всякой подписки. Их увечья были таковы, что надеяться на быстрое выздоровление не приходилось.

Среди офицеров и военных чиновников имелось несколько поляков. Приватный опрос их сослуживцев снял с панов подозрения: в течение всего плена они были на виду у товарищей, никуда не отлучались, ни в каких шпионских школах учиться не могли. Иначе обстояли дела с нижними чинами. Там поляков оказалось около полусотни, и осветить их пребывание в плену было трудно.

Рачковский выполнил свое обещание. Он рассказал о пароходе с изменниками Трепову, и генерал дал команду бросить на их поимку серьезные силы. В результате делом «Инкулы» занялось сразу несколько служб. В кабинете Гартинга прошло совещание. На нем присутствовали, кроме хозяина, Лыков и два подполковника: Герасимов и Лавров. С последним Алексей Николаевич встретился весьма радушно. Два года назад они вместе искали убийц русского ученого Михаила Филиппова и подружились.

– Вас повысили в чине, Владимир Николаевич! Поздравляю!

– Спасибо. Вот, произвели не в очередь.

– А еще вы перешли из корпуса в армейскую кавалерию, как намеревались.

В самом деле, Лавров, прежде ходивший в голубом жандармском мундире, был теперь в общеармейской форме. Он давно хотел оставить «табуретную кавалерию»[22 - «Табуретная кавалерия» – ироничное название Отдельного корпуса жандармов, который формально считался кавалерийской частью.].

– Пришлось для этого выйти в отставку, – пожаловался Владимир Николаевич. – На двадцать четыре часа. Отказали в обычном переводе!

Герасимов явился в партикулярном костюме. Сухой, коротко стриженный, с высоко загнутыми кончиками длинных усов, он походил на франта. Но умные внимательные глаза выдавали серьезного человека.

У начальника Петербургского охранного отделения всегда дел хватало. Поэтому никто не удивился, когда Герасимов сначала попытался откреститься от поручения.

– Господа, – сказал он, – при чем здесь моя лавочка? Шпионы прибыли в Одессу. И уже расползлись по всей стране. Вот и ловите их там, по месту жительства. А я отвечаю за столицу. Сообщите мне имена, поставим их на проверку – это все, что можно с нас требовать.

Гартинг сразу взял быка за рога:

– Вы, подполковник, всего три месяца, как в Петербурге. И еще не поняли, видать, что за чужие спины прятаться тут не дадут.

– Попрошу...

– Вы приказ Трепова получили?

– Ну получил.

– Вот и извольте выполнять.

Подполковник посмотрел на статского советника неприязненно, но промолчал. Формально Петербургское охранное подчинялось Особому отделу наравне с прочими отделениями. Но выдающееся положение столицы выдвигало его на первое место. И не Гартингу, начальнику одного из семи отделений Особого отдела, было командовать ПОО[23 - ПОО – Петербургское охранное отделение.]. Однако сейчас за ним стояли большие люди, Рачковский с Треповым. И Аркадий Михайлович решил показать, кто тут хозяин.

Лавров дипломатично перевел резкий разговор в рабочее русло. Он сказал:

– В словах подполковника есть разумное зерно. Мы, военная контрразведка, ведь тоже отвечаем лишь за Петербургский военный округ. Искать шпионов на всей остальной территории – ваша прерогатива. Может быть, так и поступим? Столица – нам с охранным отделением, а все прочее – Департаменту полиции и корпусу жандармов?

Алексей Николаевич ответил и за себя, и за Гартинга:

– Да мы так уже сделали. Во-первых, в Одесское ГЖУ[24 - ГЖУ – Губернское жандармское управление.] отправлена телеграмма: взять под наблюдение тех, кто еще не разбежался. Во-вторых, моряками будет заниматься Морской штаб, это тоже не по нашей части. Нам остаются сухопутные нижние чины, из которых поляков около сорока человек. Не так уж и много. Беда в том, что призваны они из самых разных местностей, от Варшавы до Тифлиса.

– Чтобы проверить панов, надо их сначала найти, – заговорил Герасимов. – И как мы будем их искать?

– Высочайшим приказом вернувшиеся из плена нижние чины, оборонявшие Порт-Артур, уволены в запас. Дослуживать остаток срочной службы им уже не придется. Также этим людям полагается жалование за месяцы, проведенные в плену. Вот на него и будем их ловить. За деньгами явится каждый, будьте уверены. Явится по месту призыва. Нам сейчас нужно найти тех русских солдат, которые жили в одном лагере с поляками. И допросить их насчет поведения последних: были ли подозрительные отлучки, непатриотичные высказывания, заискивания перед японцами...

Предложение сыщика решило спор. Четыре десятка поляков были поделены. Герасимов взял себе тех, кто призывался из Петербурга и губернии. Лавров обязался помочь ему с проверкой. Особому отделу в лице Гартинга поручили панов, проживающих в Привислинском крае, – половину от общего списка. А Лыков забрал остальных, кто призывался из прочих местностей империи. В итоге в его ведении оказалось семь человек. Коллежский советник поручил технические вопросы своему помощнику Азвестопуло, а сам занялся координацией.

Однако хитроумный грек уже вечером предстал перед начальством и заявил, что метод Лыкова ошибочен.

– Какая разница, кто где призывался? Это позволит только отыскать человека. А проверять его надо по другому принципу: кто в каком лагере сидел. Нам нужны тамбовцы, нижегородцы, рязанцы – те русские, которые жили бок о бок с поляками. А объединяет их именно местопребывание.

Сергей был прав, и Лыков сразу признал это. В самом деле, изменников можно выявить только путем опроса русских пленных. Найти тех из них, кто наблюдательнее, и долго-долго трясти. Алексей Николаевич поразмыслил и взялся за то, с чего и надо было начинать, – за изучение японских лагерей.

Для этого ему пришлось снова увидеться с Таубе. Сколько наших попало в плен? Где они сидели? По каким принципам японцы отпустили триста невольников? Ясно, что это сделали нарочно, чтобы спрятать среди них нескольких шпионов. Но ведь есть какое-то официальное объяснение, почему из множества людей отобрали именно этих для возвращения на родину.

Таубе сидел в преподавательской комнате академии и хмуро листал какой-то учебник. Лыков увел его в курилку и задал интересовавшие его вопросы. Виктор Рейнгольдович еще больше набычился.

– Ты чего такой? – почувствовал неладное сыщик.

– А ты еще не знаешь?

– Что случилось?

– Это пока неофициально, но скоро объявят, – генерал-майор говорил натужно, словно ворочал камни. – Эскадра Рождественского... Словом, ее больше нет.

Лыков так и сел, сердце его сжалось.

– Что значит нет? Их разбили?

– Разбили – это мягко сказано. Никогда прежде Россия не испытывала такого позора. До сих пор японцы гоняли нас на суше. Теперь еще и на море. Стыд и горе всем нам...

И Таубе рассказал жуткие новости. Японцы сообщили в международные телеграфные агентства предварительные итоги сражения между флотами, произошедшего вчера в Цусимском проливе. Вторая Тихоокеанская эскадра полностью рассеяна и большей частью разгромлена. Вице-адмирал Рождественский в бессознательном состоянии, после тяжелого ранения, захвачен в плен. Уничтожено двадцать русских боевых кораблей, а японцы потеряли всего два или три миноносца. Самое страшное – часть наших кораблей (отряд контр-адмирала Небогатова) сдалась японскому флоту! Невиданный доселе случай, если не считать давней истории с фрегатом «Рафаил» [25 - 11 мая 1829 года русский фрегат «Рафаил» без боя сдался превосходящим силам турок. Николай Первый повелел сжечь его, что и было исполнено 18 ноября 1853 года в Синопском сражении.]. Количество пленных и погибших русских моряков еще непонятно, но счет идет на тысячи...

После таких новостей разговор между друзьями долго не ладился. Но времени терять было нельзя: шпионы где-то в России и уже начали свою деятельность. Переменят паспорта, и ищи их тогда... Алексей Николаевич спросил генерала: что творится с русскими в японском плену? Есть ли у Военного министерства сведения оттуда?

Таубе, бледный и потерянный, нехотя ответил:

– Прямых сведений, конечно, нет. Мы получаем кое-что от французов. Посольство Франции в Японии выступает посредником в общении двух держав, в том числе по вопросу пленных. В России, как ты знаешь, этим занимается Центральное справочное бюро профессора Мартенса. Известно, что сейчас японцы удерживают около семидесяти тысяч наших. Из них самый большой

приход был после падения Порт-Артура – тогда сдалось сорок четыре тысячи человек. Еще двадцать одна тысяча попалась под Мукденом. Вот считай...

– Офицеров среди них много?

– Больше тысячи. Да что офицеры! Сдались десять генералов! А теперь еще и два адмирала в придачу[26 - По данным Центрального справочного бюро о военнопленных, в японском плену на сентябрь 1905 года находились 1445 офицеров (в том числе 475 артурцев и 414 моряков) и 70995 нижних чинов.].

– Где и как содержатся наши пленные?

– В специальных лагерях. Есть лагерь Нарасино в окрестностях Токио, есть Мацуяма на острове Сикоку. Сейчас через Красный Крест удалось наладить связь с несчастными. Они получают письма, посылки и небольшое содержание. Нижние чины, к примеру, по пол-иены в месяц – это неплохие для тех условий деньги. Могут что-то купить, приодеться. В лагерях евреи наладили торговлю...

– Евреи из пленных? – поразился Лыков.

– Из кого же еще? Конечно. Нация предприимчивая, они и там не растерялись. Солдатики что-то производят кустарным способом, продают местному населению. В лагерях есть лавки, работает рынок. В Нарасино люди сами построили православный храм, костел, синагогу, мечеть и протестантский моленный дом. Живут как-то... По доходящим до нас сведениям, начальство старается избегать жестокостей. Японцы хотят выглядеть перед мировыми державами ровней и потому зверств, как это было, например, с пленными китайцами, не допускают. Но тем не менее в том же Нарасино отмечено два бунта, и при их усмирении некоторые пленные пострадали.

– Ты встречался с капитаном Шихлинским?

– Да, сегодня, – подтвердил Таубе. – Взял у него, как у начальника эшелона, копию списков. Заодно предупредил, чтобы забыл на веки вечные того немца из Цинтау, который вручил ему конверт.

– Правда хороший человек Али Ага? – воскликнул коллежский советник.

Барон скупно улыбнулся и согласился:

– Хороший. Побольше бы таких, и японцы бегали бы от нас, а не мы от них. Капитаны-то у нас лучшие в мире. И полковники есть приличные. Вот с генералами беда...

Лыков насупился. Таубе сам генерал, а говорит такое. Но ведь он участвовал в боях, видел все своими глазами. Алексей Николаевич несколько раз пытался расспросить друга, как там было, в Маньчжурии. Но тот отвечал неохотно и в конце концов попросил отложить любопытство. Сказал: вот пройдет время, я успокоюсь и тогда поговорим. А пока болит, не лезь.

– Ты смотрел списки Шихлинского? – вернулся к главной теме сыщик. – Заметил особенность?

Виктор Рейнгольдович кивнул:

– Конечно. Японцы отпустили из плена лишь артурцев. Понятно, почему: только они освобождены указом государя от дальнейшего прохождения службы. Генеральному штабу противника надо, чтобы его агенты вернулись в губернии и осели там. А потом начали подрывную работу.

– Мы в Департаменте полиции сделали такой же вывод. Я нашел нескольких нижних чинов Пятого Восточно-Сибирского стрелкового полка. Они попали в плен не в Порт-Артуре, а раньше. Когда обороняли какой-то... – Лыков справился по бумажке, – Цзиньжоуский перешеек. Мы с Азвестопуло пока расспрашиваем их подробно о поляках: как те держались в плену, не отлучались ли надолго из лагеря. Но солдаты раз за разом возвращаются к тому сражению. Очень они обижены на командование, а за что – не пойму. Расскажи, что там было?

Генерал задумался.

– Я детально не занимался Цзиньжоу, знаю лишь в общих чертах.

– Валяй в общих. Иначе мне трудно беседовать с солдатами.

– Наши укрепили там позицию, – начал Таубе. – Дальний оборонительный рубеж на пути к Порт-Артуру. Узкий перешеек, шириной чуть больше десяти верст. Были все основания для того, чтобы задержать на нем японцев надолго. Но получилось всего на один день.

– Почему?

– Плохое командование, почему же еще, – проворчал барон.

– Виктор, мне нужны подробности.

Таубе вздохнул и нехотя продолжил:

– В первую линию окопов поместили тот самый полк, о котором ты говоришь. Пятый Восточно-Сибирский, под командой полковника Третьякова. Остальные силы Четвертой Восточно-Сибирской стрелковой дивизии ее начальник генерал-майор Фок отвел далеко назад. К окраинам города Цзиньжоу. И сутки наблюдал оттуда, как японцы стирают одинокий полк в муку. Бой произошел тринадцатого мая прошлого года.

– И не помог? – возмутился Лыков.

– Пальцем о палец не ударил.

– Но почему, черт возьми?

– Потому, что дурак. Но облеченный властью посылать людей на смерть. Такие дураки, Леш, самые страшные...

– Что стало с полком?

– Там всего-то было одиннадцать рот. Полк неполного состава! Он бился двенадцать часов без передышки, расстрелял все огнеприпасы. Три тысячи восьмьсот человек сдерживали тридцать пять тысяч японцев. Представляешь? Герои! Пехота противника, несмотря на такое превосходство, ничего не могла с ними поделать. Тогда японцы подтянули канонерки, и артиллерия с моря разрушила окопы нашего левого фланга. Целиком разрушила, вместе со всеми,

кто там находился. Лишь после этого японская пехота вдоль линии прибоа обошла нашу позицию. Когда генерал Фок увидел это, то дал приказ отступить. Но приказ дошел не до всех, и многие люди из Пятого полка попали в плен. Те, кто остался жив после такого кровавого боя.

– А что Фок?

– Увел дивизию к Порт-Артуру.

– То есть из всей дивизии воевал только один полк неполного состава? – уточнил Лыков.

– Да. Крепкая позиция, узкое горло, которое можно и нужно было держать всеми силами и любой ценой. Хрен бы вообще японцы пробивались к Порт-Артуру! Но начальник дивизии отдал один полк на растерзание, чтобы его не обвинили в бездействии. Понаблюдав за боем с вершины горы, потом собрал манатки и смылся. Даже раненых бросил!

– И его за это не судили?

– Ты что, Алексей Николаич! Наградили Георгием третьей степени за оборону крепости. А то, что Фок привел врага к ее стенам, хотя мог отбить на подступах, – не приняли во внимание.

– Да... Вояки, мать их... А что Пятый полк? Отошел с дивизией в крепость?

– Те, кто уцелел. Более шестисот человек значатся пропавшими без вести. Кто из них погиб, а кто сейчас в плену, узнаем лишь после войны.

– На «Инкуле» приплыло около сотни нижних чинов оттуда. Все участвовали в Цзиньжоуском сражении.

Таубе перекрестился:

– Слава Богу, хоть эти живые! Повторю: они все герои.

Когда пришло время прощаться, барон сообщил Алексею Николаевичу последние новости о Буффаленке. Тот писал, что собирается репатриироваться в Германию уже в этом году. Фридрих Гезе сколотил изрядный капитал на торговле оловом и каучуком. Когда немцы начали строить город и порт Цинтау, он оказал крейсерской эскадре важные услуги. А еще занял выдающееся положение среди колонистов, агитируя за продвижение Германии в Океанию. Гезе являлся председателем местного отделения «Дойче Колониальгезелльшафт», главнейшего из фереинов[27 - Фереин - союз, добровольное объединение немцев, действующее при поддержке государства.]. Еще он строчил в «Дойче Колониальцайтунг» зазорные статьи. Все это было замечено и оценено в метрополии. Патриот с далекой окраины уже дважды посещал историческую родину, и его пригласили поселиться в Берлине. Предложение сделали серьезные промышленники, выполняющие заказы для Военного министерства. Гезе был нужен им в качестве партнера, как «оловянный король» Океании. До проникновения в Фатерланд нашему резиденту оставался всего один шаг...

На следующий день Лыков продолжил расспросы бывших стрелков Пятого полка. Полиция сумела быстро отыскать двух из них. Из Одессы они сразу направились в Петербург. У бывших пленных были тут важные дела, но дознание заставило отложить их. Бородатые, много вытерпевшие мужики честно отвечали на вопросы полицейских. Говорили про поляков, сидевших в одном с ними лагере.

Быстро выяснилось, что чины Пятого Восточно-Сибирского полка отбывали плен в Мацуяме. Всего там находилось более шести тысяч человек, из них восемьсот – офицеры. Рядовые Галкин и Жучков, которых расспрашивал коллежский советник, много рассказали о порядках в лагере. Коменданта полковника Коно по кличке Пруссак пленные ненавидели. Он притеснял даже офицеров, а солдат вообще не считал за людей. Но в целом плен дался мужикам легко. Русские люди неприхотливы, в лагере унтера поддерживали дисциплину, и кормили японцы по-божески. Что еще надо? Не убивают, сиди и жди, когда кончится война...

Насчет поляков Галкин сообщил много интересного. Из вятских крестьян, он был разговорчивей своего товарища и честно пытался помочь дознанию. Ярославца Жучков казался умнее и наблюдательнее, но говорил неохотно. В целом показания обоих стрелков сходились. Да, у поляков в лагере Мацуяма имелись тайны. Полтора десятка их уезжали на два месяца, с октября по декабрь.

Говорили потом, что на строительные работы под Токио, по контракту. Денег будто бы заработали. Почему взяли одних поляков? А подрядчик был польской нации, вот и хотел подкормить своих. Чужих, русских, никого не взял. Все ли поляки, что содержались в лагере, отлучались на работы? Нет, далеко не все. Панов там было сотни две, как сойдутся на молитву – хоть стрелковую роту формируй. А уехали немногие.

Тут Лыков спросил: те, кто уезжал на подработки, царя сильно бранили? Солдатики смутились. Жучков уклонился от ответа, а Галкин кивнул: сильно. Как на подбор подобрались там отпетые пшеки. Многие сдались без боя, просто бросили винтовки. Довольствие у них было особое, лучше, чем у других. И свои унтер-офицеры – русских паны не слушались.

Сыщик попросил стрелков назвать фамилии тех поляков, но тут дело пошло плохо. Жучков не вспомнил никого. Галкин старался изо всех сил, но смог назвать лишь Ежи Болеховского из своего взвода. Он тоже приплыл на «Инкуле», из Одессы собирался сразу отправиться домой. В какой город? Не помню, ваше высокоблагородие... Сыщик продолжал настаивать, и солдат вспомнил некоего унтер-офицера Убыша. Тот был у панов навроде старшего: вел переговоры с комендантом, следил за порядком, распределял между своими какие-то деньги. Даже Пруссак считался с унтером и делал по его просьбе панам поблажки.

Это было уже кое-что. Убыш – фамилия редкая, да еще человек с лычками. В Варшавское ГЖУ полетела телеграмма. Алексей Николаевич не успокаивался, он хотел узнать больше фамилий изменников. Ишь, строители! Не иначе, ездили в шпионскую школу. В поисках других свидетелей сыщик просматривал списки, полученные от Шихлинского. Его внимание привлек рядовой седьмой роты Пятого полка Николай Егоров Куницын.

– О, земляка нашел, – радостно сообщил Лыков солдатам на следующей встрече. – Куницын, из Лукояновского уезда. А я сам нижегородец. Надо бы его найти да расспросить, как вас. Не знаете, где земляка искать?

– Какой Куницын? – сразу отозвался Галкин. – Колька-кун, что ли?

Жучков сделал каменное лицо и промолчал.

– Почему Колька-кун? – не понял сыщик.

– Да его так японцы прозвали, – пояснил вятч. – Кун по-ихнему означает «друг», «товарищ».

– Что же, он японцам в друзья набивался? – насторожился Лыков.

– Нет, ваше высокоблагородие, что вы! Николай – мужик порядочный, на измену не способный. Просто Куницын, оттого и кун. Это так фельдфебель Окадзима пошутил. У них с Куницыным приятельские отношения были. Окадзима из крестьян, и мы все тоже, вот фельдфебель и благоволил. А Николай он что... Честный. Голова у него, правда, в том плену повредилась, но от такого у кого хошь повредится. Его ж живьем похоронили!

Тут вдруг Алексей Николаевич заметил, что Жучков под столом пнул товарища сапогом – заткнись! Что еще за тайны?

– Как живьем? – спросил сыщик. Ярославец состроил гримасу, но Галкина было уже не остановить:

– А так. Ранило Кольку в том бою, где все мы в плен угодили. Вроде бы несильно, но пуля та сначала от земли отскочила. А уж потом в него попала.

– И что?

– А то, ваше высокоблагородие, что все такие раны там оказались смертельными. В земле той, слышь, грязь. И задетый отскочившей пулей непременно дней через десять помирал. От заражения крови.

Лыков уже слышал об этом от Таубе и потому не удивился.

– Как же Колька выжил? – поинтересовался он.

– Чудо случилось, иначе не назовешь. Как кровь у него спортилась, начал он заговариваться. Жар, бред, все как положено... И отправили его в крайнюю палатку. Потому уж эту историю знали, много до него народу так же померло. Из той палатки был один путь – на кладбище. Куницына туда вскоре и свезли. И

землей присыпали. А евойный товарищ Сажин не поверил. Любил он очень Кольку, лучший у него друг, словно братья они были. Вот. Не поверил и пошел ночью могилу раскапывать. Раскопал – и точно! Живой оказался Колька. Как он заразу переборол, врачи сами не поняли, лишь руками разводили. Но спасся.

– Интересная история, – одобрил коллежский советник. – Надо мне с этим везунчиком познакомиться. Может, и он что про поляков вспомнит. Где найти Кольку-куна, знаешь?

Галкин открыл было рот, но Жучков, уже не скрываясь, наступил ему на ногу. Вятч тут же вскочил и сделал придурковатое лицо:

– Не могу знать, ваше высокоблагородие!

Лыков понял, что настаивать бесполезно. Да и времени не было искать солдата, чудом выжившего в плену. Требовалось изловить предателей-поляков, вернувшихся в Россию с диверсионным заданием. И сыщик отложил поиски человека со странным прозвищем на потом.

Глава 3

Банда заявляет о себе

20 июля того же 1905 года Лыков дописывал акт дознания по польским изменникам, прибывшим на пароходе «Инкула». За два месяца удалось выявить и арестовать семнадцать человек. Особенно отличились варшавяне: они выследили связи отставного унтер-офицера Убыша и разгромили резидентуру Дзюка[28 - Дзюк – один из партийных псевдонимов Пилсудского.] в полном составе. Сам неугомонный унтер успел накануне выехать на восток. Филеры проследили его до Иркутска, передавая с рук на руки. В Иркутске Убыш был арестован. При нем обнаружили японский фугас, которым поляк намеревался взорвать один из тоннелей Кругобайкальской железной дороги. Странный план, если учесть, что обе армии – русская и японская – давно уже не вели активных боевых действий. После Мукдена и Цусимы война перешла в пассивную фазу, что всегда предшествует перемирию. Лишь на Сахалине, который японцы

переименовали в Кабафуту, еще добивали слабые отряды русских.

Два агента резидентуры были взяты в Петербурге при участии службы подполковника Лаврова. Однако затем их отобрали у военной контрразведки. Дальнейшую работу с арестованными вели некий Манасевич-Мануйлов от Департамента полиции и ротмистр Комиссаров от ОКЖ. Даже Лыкову не сообщали подробностей. Он в конце концов плюнул и сузил поле дознания. Сейчас, в конце июля, поляков пора было передавать следователю. И без того у коллежского советника накопилось множество дел. Ситуация что в столице, что по всей России продолжала ухудшаться. Ощущение надвигающейся катастрофы витало в воздухе.

Между тем высшее начальство металось без руля и ветрил. Главным лицом во внутренней политике оставался Трепов. Но при всем своем бравом виде Дмитрию Федоровичу не доставало ни воли, ни государственного мышления. Состоявший при нем в главных советниках Рачковский считал, что репрессии не нужны. Что надо договориться с обществом по-хорошему, откупиться от либералов уступками, а взамен получить примирение. Поднял голову забытый всеми Витте. Два года назад его задвинули на декоративную должность председателя Комитета министров. Он вывернулся из кожи вон, чтобы напомнить о себе государю и обществу. С этой целью Витте примазался к указу от 12 декабря 1904 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем Комитету предписывалось объединить работу министерств по улучшению управления. В недрах МВД спешно сочиняли пакет документов для созыва так называемой Булыгинской думы. Сам Булыгин по неспособности и пальца не приложил к этим бумагам. Все написал умница Крыжановский. Сергей Ефимович занимал ничтожную должность помощника начальника Главного управления по делам местного хозяйства. Но он был человек крупного масштаба, с собственными идеями, что так редко встречается у российских чиновников. Пока Крыжановский сочинял куцый проект (думой там и не пахло, так, очередное приглашение выборных людей для совещательных целей), обстановка накалилась. Взбудораженной стране уже мало казалось тех скромных реформ, которых зимой домогались многочисленные союзы. Образовался подпольный «Союз освобождения», который требовал от власти учреждения полноценного парламента на основе «четыреххвостки».[29 - «Четыреххвостка» – выборы на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.] Большевики втайне готовили вооруженное восстание. Знакомец Лыкова Леонид Красин создавал по всей стране запасы оружия и взрывчатки. Последней в секретной лаборатории фабриковалось так много, что Красин часть ее продавал боевикам-эсерам...

А в стране шел разлад. На Кавказе вспыхнула давно ожидаемая армяно-татарская резня. В Польше каждый день убивали русских администраторов и военных. 14 июня началось восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Тринадцать дней корабль с полным вооружением слонялся по Черному морю, грозил бомбардировкой Одессе и Севастополю, пока не интернировался в Румынию. В его поддержку в столице прошли массовые демонстрации рабочих – пока еще мирные.

Властитель ста сорока миллионов населения растерялся. Как и ожидалось, царь назначил Трепова товарищем министра внутренних дел, оставив в подчинении у генерала столичный гарнизон. Трепов окончательно стал наместником всей Руси, не имеющим программы... Булыгин продолжал винтить на даче. Рачковский вновь и вновь советовал помириться с оппозицией. Начальник ПОО Герасимов, наоборот, требовал разрешить ему начать массовые аресты. На диктатора теперь давили со всех сторон. Витте нашептывал, что нужна Дума, при которой он станет председателем Совета министров. Тогда народ успокоится – ведь все только и мечтают о возвращении Сергея Юльевича во власть... Но после убийства Плеве у Витте остался другой сильный соперник, Горемыкин. Он действовал на Трепова через его брата Александра. Дмитрий Федорович совсем запутался в предлагаемых ему со всех сторон идеях. А он был обычный свитский генерал-майор с опытом службы обер-полицмейстером.

В результате победили либералы из власти. Герасимову приказали отпустить арестованное им в Лесном руководящее бюро «Союза союзов». Хотя захваченные при нем бумаги явно указывали на противоправную деятельность. Более того, МВД распорядилось ограничить аресты революционных деятелей! Теперь разрешалось брать только террористов. Обнаруженные подпольные типографии хоть и закрывали, но их устроителей отпускали с миром. Разрешили публичные демонстрации, если они не выливаются в уличное бесчинство. А высшим учебным заведениям дали автономию. Причем полиция даже не имела права заходить на их территорию. Чем тут же воспользовались революционеры.

Лыков и люди его склада наблюдали за этим с недоумением. Как теперь служить? Что в голове у начальства? Куда завтра вывернет бесшабашная политика государя? В департаменте продолжался бардак. Безвольного Коваленского заменили малахольным Гариным. Человек, как говорится, с зайчиком, а его на Департамент полиции. Это когда нужен цепной пес...

Алексей Николаевич закончил акт дознания и передал его Азвестопуло – пусть проверит запятые. Хотел уже пойти в чайную комнату, но тут появился курьер и вручил телефонограмму. Коллежского советника срочно вызывали к Трепову. Опять двадцать пять! Третьего дня так же дернули, только для того, чтобы спросить, сколько бесписьменных[30 - Бесписьменный – человек, не имеющий документов.] прячется в Вяземской лавре. Нет бы справиться в сыскной полиции градоначальства. Но диктатор, узнав людей, старался использовать их в дело и не в дело. Лыкова он помнил еще по Москве, после первой встречи произвел в великие сыщики и теперь все уголовные темы обсуждал только с ним. Филиппов[31 - Филиппов В.Г. – в 1903–1915 гг. начальник Петербургской (Петроградской) сыскной полиции.] уже смеялся и называл Алексея Николаевича «статс-секретарь по мазурикам». А сам ревновал...

Трепов после назначения товарищем министра переехал в дом МВД на Мойке, там и вел дела. В приемной генерала уже сидел Герасимов. Сыщик поздоровался с ним дружески. Совместное дознание по польским изменникам показало Лыкову, что начальник ПОО на своем месте. Волевой, решительный, быстро схватывает, большой специалист в технике розыска. Герасимов завел секретную агентуру во всех слоях общества и был очень осведомленным человеком. В последние недели, правда, подполковник несколько зазнался. Немудрено – Трепов вызывал его ежедневно. Когда Гартинг попытался дернуть к себе Герасимова, словно простого подчиненного, тот ответил: вот еще, буду я слушаться этого Мордухая![32 - При рождении Аркадия Михайловича Гартинга звали Абрам Мордухаевич (по другим источникам Мойшевич) Геккельман.] К Лыкову жандарм относился со снисходительным уважением, признавая его опыт в уголовном сыске.

– Александр Васильевич, и вас сорвали?

– Увы, Алексей Николаевич. Дел не счесть, а тут...

Трепов не заставил себя ждать. Рядом с ним стоял незнакомый офицер аристократической наружности – сразу видно, что поляк. Он представился:

– Заведывающий хозяйством Сто сорок пятого Новочеркасского имени Императора Александра Третьего пехотного полка полковник Ячневский.

Лыков с Герасимовым назвали в ответ, и все четверо уселись за необъятных размеров стол.

– Вот послушайте, что он говорит, – раздраженно пробурчал Трепов. – Армия уже бунтует!

Ячневский начал рассказ:

– У меня в казармах обнаружился агитаторы...

– Простите, – перебил его сыщик, – но ведь ваш полк сейчас в Маньчжурии?

– Точно так, – ответил тот. – Но не весь. Четвертый батальон и нестроевые остались в месте расквартирования. А еще обучаются мобилизованные ратники.

– Для чего так много оставили? – нахмурился диктатор.

– Приказ командующего округом, – сухо ответил полковник, почувствовав подвох. – Это караульная команда. Для охраны имущества и неприкосновенного запаса вооружения, боеприпасов и предметов снаряжения.

– Хм. Продолжайте.

– Так вот. Разговоры о проникновении в полк посторонних доходили до меня давно. А вчера мною выявлен и задержан один такой агитатор.

– Личность установили? – встрепнулся Герасимов.

– Не успели, – смутился полковник.

– То есть как не успели? Сбежал, что ли? Как можно сбежать с полковой гауптвахты?

– Было нападение, – терпеливо пояснил Ячневский, стараясь сохранять спокойствие. – Арестованного действительно поместили под замок, как полагается. Караул в полном составе, начальником караула был опытный

офицер, поручик Греховодов...

– А почему Греховодов не на войне? – неожиданно поинтересовался генерал-губернатор.

– У полка на Малой Охте целый казарменный городок, – по-прежнему спокойно ответил Ячневский. – Надо вести обучение запасных, охранять постройки, поддерживать запасы. С этой целью вместе со мной в столице оставлены десять офицеров. Греховодов – один из них.

– Десять офицеров и полковник, чтобы караулить запасы... – сварливо прокомментировал Трепов. – А воевать кто будет?

Неожиданно заведывающий хозяйством ответил диктатору:

– Я подавал три рапорта, чтобы отправили на войну. И прошу оградить меня от вашего вызывающего тона!

Генерал смутился:

– Извините, господин полковник. Я и сам просился в Маньчжурию, чуть было не уехал, да не успел – государь призвал меня для более тяжкого дела. Продолжайте, прошу вас.

Чувство собственного достоинства, которое выказал поляк, произвело впечатление. Больше никто не посмел его задирать, и Ячневский продолжил доклад.

По его словам, караул был надежен и все делал по регламенту. Но нападение прозевал. Судя по тому, что неизвестные сразу захватили ключевые посты, в прошлом это были солдаты. Их пришло шесть или семь человек, ловких, смелых. Подчаски из нестроевых ничего не смогли им противопоставить. А когда Греховодов схватился за кобуру, ему дали по голове.

– Сильно досталось? – уточнил Лыков.

– В том-то и дело, что нет, – сообщил полковник. – Опять впечатление, что действовали с умом. Без лишней жестокости.

– То есть?

– Ну, врезали поручику. Аккуратно так, пся крив! Шишка есть, сам видел. А крови или раны – нет.

– А может, он был в сговоре? – влез жандарм. – Для отвода глаз дал себя обезоружить...

– Только не Греховодов, – отрезал поляк.

– Значит, пожалели?

– Такое впечатление, что да. Говорю, бывшие солдаты, не из отчаянных.

– Раз напали на караул, значит, отчаянные, – возразил Трепов.

– Они увели арестованного с собой? – вернул разговор в рабочее русло Лыков.

– Да.

– Какие-то приметы нападавших запомнили? Клички, шрамы, особенности речи?

– Запомнили, – невозмутимо ответил Ячневский. – С этим я и пришел. Поручик хоть и упал, но остался в сознании. Удар, как я уже говорил, был... щадящий. И он слышал одну фразу.

Лыков с Герасимовым чуть не привстали:

– Ну?

– Там был главный. К нему обратились и назвали при этом очень странно.

– Да не тяните вы! Как назвали?

– Колька-кун.

Тут Алексей Николаевич навис над столом:

– Это точно?

– Совершенно точно, – подтвердил полковник. – Не пойму, правда, что сие значит. Может, вы поясните?

– Да, Алексей Николаевич, – присоединился Трепов. – Вы аж подскочили. Знакомая личность?

– Никогда его не видел, господа. Но слышал о нем. Один раз.

И сыщик рассказал о той беседе двухмесячной давности, когда он впервые столкнулся с упоминанием странного японского прозвища.

– Колька-кун? Бывший стрелок Пятого Восточно-Сибирского полка, прибывший в мае на пароходе вместе с теми изменниками-поляками, – задумчиво произнес Герасимов. – А теперь он выручает из-под ареста революционного агитатора. Вдруг это звенья одной цепи? Надо срочно объявить его в розыск.

– Навряд ли Куницын живет в городе под своей фамилией, – возразил Лыков. – Было бы чересчур глупо с его стороны.

– Опять японский шпион, – скривился генерал-губернатор. – А еще русский! Ладно бы по... ой!

Трепов прикрыл рот рукой и покосился на Ячневского. Тот сделал вид, что не понял.

– Господин Лыков, вы подтвердили мою догадку – напали бывшие солдаты, – сказал он. – Потому им и удался налет, что они знали устав караульной службы. Прошу, ваше превосходительство, отметить это в рапорте государю.

Трепов глянул на коллежского советника и сказал:

– Я со своей стороны не собираюсь беспокоить Его Величество пустяками. В стране каждый день такое творится! Но вот Департамент полиции дважды в месяц строчит отчеты на Высочайшее имя. И государь внимательно их читает...

– Мы тоже промолчим, – торопливо заявил сыщик. – Рядовое происшествие, чего шум поднимать.

– Рядовое или нет, а этого мерзавца нужно изловить, – строго велел генерал-майор Свиты. – Иначе он нам всю армию развратит. Сегодня же будет в приказе. Вам ясно, господа?

– Ясно, ваше превосходительство, – хором ответили сыщик с жандармом.

– А о чем, кстати, велась агитация? – сощурился Герасимов.

– Что воевать не надо, – припомнил Ячневский.

– Ну, это сейчас все говорят. А еще?

Поляк внимательно посмотрел на жандарма и добавил:

– Что царя тоже не надо. И министров, и вообще господ. А нужен крестьянский режим, чтобы мужики сами собой управляли.

– Ого! Что-то новое. Даже эсеры до такой глупости не додумались.

– А еще, – продолжил Ячневский, – агитатор призывал солдат моего полка начать восстание. Мол, только армия сможет сломать хребет царизму. Надо создать тайную революционную организацию, в которую включить все полки столичного гарнизона. И сейчас, когда царь вооружил простой народ, самое время к этому приступить.

Лица у слушателей вытянулись. Все долго молчали, потом Герасимов спросил с недоверием:

– Это вам поручик рассказал? Лежал с ушибленной головой, но все запомнил?

– Нет, – с ледяной вежливостью ответил полковник. – Я провел собственное дознание... Поверхностное, конечно, зато по горячим следам. И записал то, что услышал от солдат, подвергшихся агитации.

Трепов встал, все остальные последовали его примеру.

– Приказываю создать особую группу для поимки этого мерзавца Куницына. И всей его шайки. В группу включить Петербургское охранное отделение, Департамент полиции и военную прокуратуру.

– А также сыскную полицию, – подсказал Алексей Николаевич.

– Да, и ПСП[33 - ПСП – Петербургская сыскная полиция.] тоже, – согласился диктатор. Потом обвел всех суровым взглядом и добавил: – Старшим назначаю коллежского советника Лыкова.

Подполковник Герасимов расправил плечи и пробормотал:

– Слушаюсь.

Прямо с Мойки офицеры и Лыков отправились на Малую Охту. По дороге они разговорились.

– Агитатор потому вел свою агитацию в Новочеркасском полку, – предположил сыщик, – что это единственный в столичном гарнизоне армейский полк. Все остальные части – гвардейские. Там и условия службы лучше, и традиции, да и надзор строже.

– У нас тоже славные традиции, – обиделся Ячевский.

– Но согласитесь, что у гвардии привилегированное положение.

– Конечно. Уж там агитаторов сразу взяли бы за ворот.

Герасимов хмыкнул:

– Эх, господа... Поражаюсь вашей наивности. Признаки разложения имеются в Преображенском и Кавалергардском полках, а это лучшие полки гвардии! Преображенцы вообще обнаглели: моих филеров часовые не пускают в казармы, зато агитаторам вход свободный.

– Вот! – обрадовался поляк. – А вы говорите, что ядро заговора у нас, у армейцев. Гвардия и здесь впереди всех!

Казармы 145-го Новочеркасского полка поразили Лыкова порядком и чистотой. Герасимов, который до ОКЖ служил в резервном батальоне, и вовсе опешил.

– Однако у вас строго, – вынужден был признать он. – Со стороны поглядеть, так ажур.

Народу в полку было маловато: все на войне. Но нестроевые чины показывали отличную выправку. Как же они с такой выправкой прошляпили агитаторов? Сыщик с жандармом переглянулись, думая об одном.

Ячевский вызвал тех, кто был в подвергшемся нападению карауле. Люди повторили примерно одно и то же. Шесть или семь человек налетели неожиданно и действовали крайне дерзко. Показали револьверы и ножи. Когда свалили с ног поручика, сразу все и кончилось... Никто из солдат не успел применить оружие. Винтовки у них отобрали, заперли в камере и велели помалкивать.

Еще все подтвердили, что налетчики избегали лишней жестокости. Офицера стукнули аккуратно, а рядовых вообще пальцем не тронули. Фельдфебеля, правда, подбили глаз за то, что не хотел отдавать кобуру с наганом. Ну так это за дело...

Вспомнить приметы никто не смог. Похожи на солдат срочной службы. Один повыше других, он смахивал на матроса. Главный, к которому обратились как к Кольке-куну, наружности самой заурядной. Борода с проседью, да на макушке много седины. Глаза внимательные, спокойные. Голос негромкий, но внушительный – никому и в голову не пришло возразить.

На вопрос, что за агитатора пришли выручать, караульные ответили более обстоятельно. И пересказали все те слова, что Ячевский воспроизвел у Трепова.

Дядька был постарше других, но той же солдатской породы. Может, из запасных... Однако говорил убежденно и многих в полку смутил. Три дня говорил! И никто из новочеркасцев его не выдал. Лишь на четвертый день смутьян попался на глаза полковнику и был нехотя, по его приказу, арестован.

Как же налетчики проникли на охраняемую территорию, спросил Лыков. А потом спокойно вышли вместе с арестантом? Да через калитку, что позади гауптвахты, пояснили караульные. Лыков с Герасимовым отправились смотреть на эту калитку. Ну, дверь в заборе, перед ней часовой. Выходит, злодеев впустили?

Ячневский приказал привести того самого часового, который нарушил устав. Он сидел в одиночной камере. Явился детина ростом с каланчу.

– Как же ты их впустил? – задал вопрос сыщик.

– А подошел он и попросил.

– Кто «он»?

– А главный у них, с седой бородой.

– Колька-кун?

– Может, и так. Он не представился.

– А что значит попросил? О чем?

Детина наморщил лоб:

– Эта... Сказал, что товарищ там у них. Хороший, будто, человек. А сидит в темнице.

– И что?

– Эта... Ты, говорит, дай нам его вывести. Обещаю, говорит, что ни капли крови не прольем, все аккуратно сделаем.

– И ты дал?

Часовой понурился.

– Эта... Товарища они выручали. Праведное дело, значит, делали.

– А присяга? Ты же перед иконой присягал!

Детина поднял наивные голубые глаза и пояснил:

– Смутил меня тот человек, ваше высокоблагородие. Сказал: ты мужик, и я мужик. А баре нас лбами сталкивают. Что мы с тобой делить будем? Ты, говорит, землю пахал? Пахал, отвечаю. Вот, а они нет. Соху не сумеют наладить. И чего стоит твоя присяга? Кто тебе ближе, мужики или господа-белоручки?

Подполковник Герасимов сердито прикрикнул:

– Ты ври, да не заговаривайся! Нарушил присягу, нарушил устав караульной службы, теперь оправдаться хочешь?

Часовой обиделся:

– Я как есть говорю, чистую правду.

– А если правду, то быть тебе, дураку, в дисциплинарном батальоне.

– Раз провинился, значит, надо ответ держать, – с достоинством ответил парень.

Тут вмешался Лыков:

– Продолжай. Вот ты поговорил со старшим и пропустил их в калитку. Сам снаружи остался, на посту?

– А как же! Разве я могу пост покинуть? – удивился часовой.

Герасимов прыснул в кулак, но сыщик продолжил расспросы:

– Один остался?

– Не, со мной ихний парень стоял.

– Что за парень?

– Мишкой звать. Тоже из наших, из крестьян. Про японский плен рассказывал, пока остальные свое дело лебастрили. У него еще рука не сгибается после японской пули. Интересно про плен баял!

– Да он идиот... – прошептал на ухо сыщику жандарм. Тот отмахнулся:

– Мишка? А из какого он полка?

– Да они все из одного, который в плен попал.

– Пятого Восточно-Сибирского?

– Может и так, ваше высокоблагородие.

– Что, вы там стояли и лясы точили? Пока твоих товарищей по караулу мутузили...

Парень опять обиделся:

– Пошто вы так говорите, ваше высокоблагородие? Грех это. Старший слово сдержал, никого они не потрепали. Я же знаю!

– А поручику голову зашибли – это что? Фельдфебелю по морде крякнули.

– То начальству, за сопротивление. А нас, мужиков, не тронули.

– Ну пусть. А потом они все вышли?

– Так точно. Зашли вшестером, а вышли, значит, всемером; Мишка восьмой был. Пожали мне руку, спасибо сказали да и двинули по улице.

– Руку пожали? – вскинулся подполковник.

– Так точно. Вежливые... А здорово они нас обклеили!

Лыков еще некоторое время донимал парня, пытаясь получить от него важные подробности. Но тот уже рассказал, что знал, и теперь только повторялся. Кончилось тем, что Герасимов забрал весь караул с собой. В охранном отделении их допрашивали целый день, с той же целью – выяснить детали. Во что были одеты нападавшие, какое оружие использовали, как друг к другу обращались. Приметы говора. Развитые или не очень. Особенно старались разузнать про главаря. Вечером Алексей Николаевич заехал на Мойку, 12, где располагалось Петербургское охранное отделение, прочитал протоколы. Ничего важного в них не оказалось. Вот только вспомнили, что у высокого на руке была татуировка в форме якоря. Значит, действительно моряк!

Лыков засел за списки пленных, прибывших на пароходе. Николай Куницын служил в седьмой роте. Оттуда были еще трое – скорее всего, они тоже входят в банду. Рота для солдата что дом родной; в плену они наверняка держались вместе. Михаил Чистяков, возможно, тот самый Мишка, что заговаривал часовому зубы, пока его товарищи обезоруживали караул. Иван Сажин – это друг Кольки-куна, который откопал его из могилы. По возрасту старше всех. Не он ли был агитатором? И еще Василий Суржиков. А в банде восемь человек, кто остальные четверо? Один из них матрос. Матросов на «Инкуле» прибыло много, из экипажей интернированных миноносцев и крейсера «Цесаревич». В плену они не были. Видимо, пока корабль два месяца плыл в Одессу, морячка распропагандировали и присоединили к теплой компании. Выяснить его имя по таким приметам, как высокий рост и якорь на руке, вряд ли удастся.

Сыщик запросил формуляр на Куницына. Пятый Восточно-Сибирский стрелковый полк угодил в плен в полном составе, его канцелярия осталась в захваченном японцами Порт-Артуре. Но в Военном министерстве сумели отыскать призывное дело Кольки-куна. Выяснилось, что он был взят на службу Петергофским воинским присутствием[34 - Воинское присутствие – структура, организующая отбывание воинской повинности.]. Как лукояновский мужик оказался в Петергофе? Два дня Азвестопуло разбирался с этим вопросом. Наконец узнал, что у Куницына имелась родная сестра, которая жила в прислугах в богатой

петергофской семье. Она перетащила брата к себе и устроила на железную дорогу буферным тормозным кондуктором. Вот зацепка!

Но крючок оказался пустой. На Царскосельской дороге о Куницыне ничего не слышали с тех пор, как его призвали в армию. Сестра Прасковья уволилась из прислуг еще в 1900 году и больше нигде не значилась. Адресные столы Петербурга и Петергофа дали отказные справки. Лыков призвал на помощь агентов Филиппова, благо ПСП вынудили участвовать в дознании. Сыщики обыскали Ораниенбаум, Царское Село и другие пригороды Петербурга. Поиски оказались безуспешными.

Тогда Алексей Николаевич заставил Филиппова поднять церковные книги всех петербургских храмов. Если проклятая баба вышла замуж и сменила фамилию, то обряд венчания должен быть записан. Питерцы, бранясь под нос, погрузились в муторные поиски. И опять ничего не нашли.

Параллельно Лыков, Герасимов и Филиппов договорились о совместных действиях. У ПОО и ПСП была сильная агентура: у охранников политическая, а у сыщиков уголовная. Всем негласным агентам дали приказ отыскать шайку из восьми человек. По виду из солдат, один, высокий, из матросов. Главарь отзывается на кличку Колька-кун. Люди пришли из японского плена. Вероятно, они говорили об этом окружающим или показывали сувениры, вещи из Японии. Простые мужики, бывшие пленные вряд ли сильно заботились о конспирации. К тому же они влезли в опасные политические игры. В голове атамана, судя по всему, созрела примитивная самобытная идея переустройства России. Бред, но крестьянам он явно пришелся по душе. Члены банды тянулись к своим, к мужикам. Наверняка вели пропаганду, пытались перекрестить в новую веру. Но столица и без того наполнена агитаторами! Социал-демократы пытаются подчинить себе рабочую массу, а в ее среде много вчерашних крестьян. Эсеры мутят тех же мужиков, и у них сильная аграрная программа. А еще есть анархисты, чьи идеи безвластия близки к сумбурным мыслям Кольки. Кто-то из них рано или поздно встретится с бывшими пленными, сообщит о тех партийному начальству. Тут-то агентура Герасимова и должна отследить сигнал. А если «японцы» начнут баловаться грабежами (надо же на что-то жить), их заметят люди Филиппова.

Сообразив все эти обстоятельства, коллежский советник успокоился. Восемь человек в столице, которые держатся вместе... Их поимка – вопрос времени, причем ближайшего. Никуда они не денутся.

Между тем Петербург кипел, все ближе и ближе подвигаясь к взрыву. Охранное отделение сбивалось с ног. С одной из загородных сходов не вернулся филер, утром его нашли зарезанным. Другие наружники попытались объявить забастовку, и Герасимов не без труда заставил их исполнять приказы. Уголовники тоже обнаглели: все чаще оказывали вооруженное сопротивление полиции, она несла потери. На окраинах убивали городских. Люди стали потихоньку увольняться, опасаясь за свою жизнь. В полицейском резерве градоначальства впервые за много лет появились вакансии.

В поисках прошли две недели, и в начале августа Лыков получил сообщение из сыскной. Унтер-офицеры Восемнадцатого саперного батальона заметили агитатора, который шлялся вокруг казармы и заговаривал с выходившими оттуда солдатами. Некоторые отзывались. Унтеры сообщили офицеру, тот батальонеру, а последний догадался телефонировать Филиппову. Владимир Гаврилович установил за смутьяном наблюдение. Тот привел «хвост» в Тентелеву деревню, что за Нарвской заставой. Агитатор скрылся в жилом бараке химического завода, куда филер войти не посмел. Известно, что в таких местностях вести наблюдение невозможно: чужака сразу примечают. А полиции поблизости нет, и спросить не у кого.

На следующий день в барак под видом продавца швейных машин явился агент сыскной полиции. Пронырливый «коммивояжер» сунул нос в каждую комнату, переговорил с хозяйками и даже сумел продать одну машинку с большой рассрочкой. Всюду его встречали жены и дети, мужики были на работе. Лишь в угловую комнату первого этажа гостя не пустили, сказали, что там пусто. Продавец удивился: и бабы нет? Да, вся семья уехала в деревню на поминки, объяснили ему, вернутся через неделю, а пока комната стоит нежилая. Между тем из-под двери шел густой запах табачного дыма, как будто там курил стрелковый взвод.

Агент вернулся на Казанскую часть[35 - В Казанской части по адресу Офицерская, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.] и доложил начальству. Филиппов с Лыковым начали думать. Ясно было, что банда Кольки-куна прячется в той комнате. Как только помещаются, сукины дети? Восемь мужиков, с боевым опытом и при оружии. Попробуй-ка таких взять. Даже подобраться будет трудно: вдруг ни с того ни с сего на пустой деревенской улице появятся экипажи с полицейскими. Барак стоит на берегу речки Ольховки, кругом кусты и бурьян с человеческий рост. Чтобы поставить плотное кольцо оцепления, понадобится человек тридцать. Где взять столько подготовленных

людей? В охранной команде Департамента полиции они есть, конечно, но все при деле: охраняют сановников от террористов. У Герасимова вообще двести цепных псов, самых отборных. У Владимира Гавриловича на Офицерской активных штыков меньше всего, но зато калиброванные. И сыщики решили обойтись на этот раз без жандармов.

Ближе к вечеру Алексей Николаевич приехал на лютеранское кладбище. Извозчика тут же отпустил, причем поторговался из-за пятака. Положил цветы на чью-то могилку, покручинился и двинул к станции конки, что на дальнем краю Тентелевой деревни. Пока шел, глазел по сторонам. Мужчина в возрасте, седой, чуть грузный, но еще бодрый не привлек ничьего внимания. На Лыкова вообще редко обращали внимание из-за его заурядной наружности. Оно и лучше в сыском деле...

Коллежский советник прошел было мимо барака, но, потоптавшись нерешительно, свернул во двор. Спросил пацаненка, где у них тут отхожее. Заглянул в развалюху, источавшую жуткое зловоние, попользовался и зашагал дальше. Все, что надо, он успел разглядеть.

А еще через час, когда уже начало смеркаться, к бараку без лишнего шума подлетела колонна пролетов. В одну секунду ловкие быстрые люди оцепили здание. Сунулись в отхожее, поймали там какого-то бедолагу и вывели наружу, не дали даже штаны натянуть. А Лыков с самыми крепкими агентами вломились в комнату.

Там оказалось всего двое человек, зато те, кого искали. Их мигом заковали в наручники. Лыков внимательно осмотрелся. На полу впритык валялось восемь грязных тюфяков. Стол был завален корками хлеба, зеленым луком, шкурками от дешевой колбасы. Всюду окурки – вид у фатеры был запущенный. К удивлению сыщика, он не обнаружил ни одной бутылки из-под водки. Что за чудеса?

Тщательный обыск не дал никаких зацепок.

Полицейские оставили в бараке засаду, но никто в нее не попался. Остальных злоумышленников местные сумели предупредить.

Лыков привез арестованных во Второй участок Нарвской части. Он хотел допросить их как можно скорее. Обыск показал, что в руки сыщика попала

знатная добыча. Один из захваченных оказался тем самым матросом, баталером с миноносца «Бесстрашный», что явствовало из отобранного билета ратника. Звали его Зот Кизяков. Второй был Иван Сажин, есаул при атамане Кольке-куне. Схваченный в уборной оказался рабочим химического завода, и его отпустили.

На вопрос, где остальные шестеро, задержанные отвечать отказались. Кизяков гордо заявил:

– Мы товарищей не выдаем!

– Как эта кислая шерсть[36 - Кислая шерсть – армейская пехота (ирон.).] к тебе, моряку, в товарищи попала? – добродушно любопытствовал сыщик. Пойманные мужики вызывали у него непонятную симпатию – от них веяло нравственной силой.

– На пароходе познакомились.

– Глянулись они тебе?

– А то! Особенно Колька-кун. Вот человек так человек. Башка! Он скумекал, как крестьянскую революцию устроить.

Коллежский советник ждал, что Сажин сейчас оборвет товарища, чтобы тот не болтал лишнего. Но есаул и не думал этого делать. Схваченные мужики или ничего не боялись, или не понимали, куда вляпались. На всякий случай Лыков решил не вызывать следователя, чтобы тот допросил арестованных под протокол. Он хотел сначала просто поговорить с ними по душам.

– Но ведь революция – это насилие, – возразил сыщик. – Многие люди не захотят ничего менять. Ты что же, будешь их казнить за это?

Баталер растерялся и оглянулся на товарища. Тот спокойно ответил:

– Придется кое-кого потревожить, верно. Но вот кого? Буржуев всяких, царевых чиновников-кровососов. Еще помещиков: сколько им нашей землей владеть?

– Так все же ответьте мне оба: кровь лить вы готовы? Понимаете, что без нее революций не бывает? Вон во Франции сто с лишним лет назад такое устроили... Сами друг друга потом перевешали.

– Я не знаю, что там во Франции, а у нас в России будет по совести, – заявил Сажин.

– Это что значит?

Тут Кизяков вдруг оглушительно чихнул и пробормотал:

– Шайтан...

– А то и значит, что по совести. Что она подскажет, то и будет.

– А кто решит, по совести ли дело делается?

– Мы, крестьяне.

– А другие что, не люди, по-вашему? – возмутился сыщик. – Только тот, кто землю пашет, голос имеет?

– Нет, другие тоже, – авторитетно пояснил есаул. – Но не все, а лишь те, которые трудятся.

– Это пролетарии?

При этих словах баталер опять чихнул и бухнул:

– Два шайтана! Вот прилипло...

И пояснил коллежскому советнику:

– На вахте я простудился.

Сажин улыбнулся товарищу и опять заговорил, как поп с амвона:

– И пролетарии, и всякие другие трудящиеся люди: приказчики в магазинах, проводные[37 - Проводной – то же, что проводник.] в поездах, лесные объездчики, рыбаки-охотники, половые в трактирах... тормозные кондукторы...

– Ну а тех, кто на Марсовом поле потолки красит, их куда отнесешь?

– Мазурики? До них нам дела нет, пусть живут, как хотят.

– Так. А инженеры, доктора, учителя?

– Полезный народ. Куда мы без них?

– А полицейские с сыщиками, значит, бездельники? – ухмыльнулся Алексей Николаевич.

Сажин ответил с удивительной серьезностью:

– Сегодня вы нужны. Потом да, надобность в вас отпадет.

– Потом?

– Да. Когда мы власть заберем у господ и устроим справедливую жизнь.

– И куда тогда воры денутся?

– Крестьяне сами будут их ловить, пока те не кончатся. Ну, у Кольки-куна есть по ним еще особые соображения...

– Бред, ведь полный бред! Это вам атаман напел?

– Да. На него озарение нашло, когда он в плену помер, а потом ожил. Открылось человеку. Он у нас теперь вождь.

Лыков растерялся. Сидевшие перед ним люди были опасные бунтовщики. Они собирались свергнуть законную власть, которую сыщик обязан защищать. Но в

то же время это были люди, желающие справедливости, пусть и в своем наивном понимании. А ведь начальство, услышав такие речи, ввинтит ребятам каторгу...

– Так, – встал сыщик, – все понятно. Ничего у вас не выйдет! Самодержавие ввосьмером не свалить, только шеи себе поломаете.

– Может, мы и погибнем, но за народное счастье, – с пафосом произнес Кизяков. Есаул опять улыбнулся:

– Зот у нас любит красное словцо. Зато товарищ хо...

Тут баталер вновь чихнул и крикнул в отчаянии:

– Три шайтана!

– Вот до чего его ваши вахты дурацкие довели, – попенял коллежскому советнику Сажин. – А мы зачем воевали? Кровь ведрами лили, и свою, и японцев – а они, чай, тоже люди! Вы, вашебродь, на войне были?

– Давно, на турецкой.

– Та не в счет. Там мы братьев-славян от турецких зверств спасали. А кого мы в Маньчжурии спасаем? Китайцев, что ли? Или ваши господские барыши? Не стыдно народную кровь лить для-ради золотого тельца?

Ну чистые Робин Гуды... Лыков поспешил сменить тему.

– Почему я у вас в комнате водки не нашел? Восемь мужиков...

– Николай Егорович запретил пить, пока не сделаем революцию, – пояснил Зот.

– М-да... Завтра договорим, головопята. Утром вас переведут на Шпалерную, в домзак[38 - Домзак – дом предварительного заключения.]. Там с питанием получше. Подумайте вечером, так ли просто жизнь устроена, как кажется. Пожрать скоро принесут, а это вам на табак.

Сыщик выложил на стол рубль и ушел.

Однако увидеться с «японцами» ему пришлось раньше, чем он планировал. Рано утром Лыков брился, когда в комнатах зазвонил телефон. Алексей Николаевич подошел, снял трубку и прижал ее к намыленной щеке:

– Лыков у аппарата.

Послышались щелчки, а потом голос:

– Алексей Николаевич, это подполковник Сакович!

– Слушаю вас, Ромуальд Иванович. Что случилось?

Подполковник Сакович был приставом Второго участка Нарвской части.

– Приезжайте сюда срочно! Тут такое творится!

– Что творится, Ромуальд Иванович? Я быстро не сумею, еще не завтракал.

– Какой завтрак?! – голос пристава сорвался на визг. – Ваш Колька-кун приставил мне револьвер к спине! А в другой руке у него бомба! Он требует выпустить товарищей, иначе грозит взорвать участок к собачьим чертям. Что мне делать? Погибать неохота, и людей жалко – у нас казарма городских за стеной...

– Лечу!

Коллежский советник помчался сломя голову. Второй участок находился в здании самой Нарвской части, на Ново-Петергофском проспекте. Было еще очень рано, но в воздухе витало сильнейшее напряжение. У входа в часть столпились городовые. Казалось, они боятся войти внутрь, но и отбежать подальше тоже боятся... Среди них ходил старший помощник пристава поручик Филодельфин, ободрял подчиненных, но как-то фальшиво. Увидев подъехавшего Лыкова, он обрадовался и кинулся ему навстречу:

– Алексей Николаевич! Слава Богу, вы здесь. А у нас... вот...

– Где пристав? – сходу спросил Лыков.

– Там, внутри. Он, как бы сказать...

– На прицеле?

– Вот! Именно так.

– Вы заходили внутрь, Николай Осипович?

– Попытался, но далеко меня не пустили. Колька-кун – так зовут этого негодяя – велел освободить дорогу, чтобы он мог вывести своих людей. Иначе грозит Ромуальда Иваныча убить, а участок взорвать.

– Что вы решили?

Филодельфин оглянулся на подчиненных, понизил голос и сказал:

– Я решил схитрить. А именно – дать им всем выйти, вместе с Саковичем. И пролетку предоставить, чин чинном. А когда они пристава отпустят, по ним из подъезда напротив дадут залп. А? Ловко?

– Откуда, вот из этого дома?

– Точно так. Я уже посадил там пять человек с винтовками. Все бывшие солдаты, они промаху не допустят.

– А если допустят? А если Колька-кун пристава с собой возьмет, для страховки? Что тогда?

Поручик растерялся:

– Не знаю... Но, Алексей Николаич, что делать? Не можем же мы их взаправду отпустить? Я... я буду драться! Иначе так и с должности турнут.

Лыков огляделся. Помощник пристава был единственным, кто хотел драться. Городовые и околоточные жались к стене, беспокойно смотрели на окна второго этажа. Со двора доносился женский визг.

– Кто там голосит? – спросил сыщик.

– Так жены-дети, – ответил городской первого разряда Михеев, знакомый Лыкову по ликвидации в прошлом году банды кавказцев.

– Вы что, казарму не эвакуировали? – поразился Алексей Николаевич. – У них бомба!

– Так приказу не было, ваше высокоблагородие, – пояснил Михеев, неодобрительно косясь на помощника пристава.

Подошел смотритель частного дома Емельянов.

– Алексей Николаевич! Дайте им уйти, ради Бога. Пусть проваливают. Надо будет – мы их опять поймем. А сейчас... Ночная смена еще спит, в казарме полно народу. Вдруг он и впрямь фугас лукнет?

Филодельфин покрылся пятнами и заорал на всю улицу:

– Отставить! Тут я командую!

Лыков шагнул в подъезд. Сказал через плечо Емельянову:

– Ничего не предпринимать, ждать меня.

– А... – начал тот.

– Освободить проход и подогнать мою пролетку. И чтоб никаких выстрелов.

– Слушаюсь! – обрадовался смотритель. И гаркнул еще громче, чем только что помощник пристава: – Разойдись на дистанцию двадцать шагов!!!

А Лыков, перекрестившись, начал подниматься по лестнице. Наверху находились арестантские комнаты Нарвской части.

Не успел он одолеть и трех ступенек, как сверху послышался голос. Спокойный, уверенный, с хрипотцой:

– А ну погоди. Ишь чешет, как к себе в нужник. Ты кто будешь?

– Лыков меня зовут, – ответил сыщик, задрав голову. Но наверху никто не высовывался.

– Ну пусть Лыков, – согласился человек. – А зачем пришел?

– Договориться.

– Это дело хорошее. Тогда лезь. Одно только помни: чтобы без фокусов-покусов. Иначе всем каюк, и тебе тоже.

Коллежский советник поднялся на площадку и увидел следующую картину. Пристав Сакович, весь бледный, без ремня и портупеи застыл на пороге своего кабинета. Из-за его плеча выглядывал мужик неопределенных лет с седой бородой и холодными глазами. Рядом с ним пристроились оба его пленные товарища: матрос и есаул. А в коридоре стоял на коленях и беззвучно молился обезоруженный городской.

– Здорово, Николай Егорович. Поговорим?

– Ишь ты, по имени-отчеству знаешь, – усмехнулся Колька-кун. Он был совершенно спокоен, словно покупал семечки на рынке, а не стоял в окружении врагов в ожидании схватки.

Атаман внимательно осмотрел гостя и кивнул:

– Ну, давай поговорим. Тебя как звать?

– Алексей Николаевич.

– Что скажешь, Алексей Николаевич? Отпустите мою вшивобратию, или мы тут все вместе помрем?

Городовой икнул, а у подполковника Саковича задергался глаз.

– Бомбу взрывать не надо, а то много невинных людей погубишь, – ответил Лыков. – Во дворе съезжей помещается казарма городских. Там женщины и дети.

– Невинных людей нет на земле, – равнодушно парировал Колька-кун.

– Есть! – жестко возразил коллежский советник. – Есть. И ты мне тут не рисуйся, чай, не Бог, чтобы суд вершить. А будешь такую чушь нести, я сейчас развернусь и уйду. Оставайся тогда со своей бомбой, пусть она тебя в ад и отправит...

Атаман смутился. Он шепотом обратился к товарищам, те что-то коротко ему ответили.

– Ладно. Ты чего предлагаешь?

– Сейчас вас выпустят, и катитесь на все четыре стороны. Пристава с городovým отдайте прямо сию секунду. Хватит с них того, что уже пережили.

– А...

– А вместо них я останусь. Как-никак коллежский советник, полковник. Повыше чином, нежели пристав Сакович.

Колька-кун задумался. Лыков между тем продолжал:

– Там в доме напротив городové с винтовками. Я приказал их увести. Обещаю, никаких попыток остановить вас не будет.

– Но...

– Я с вами сяду в пролетку. Под руку поведу, на всякий случай. В меня стрелять не посмеют. Как отъедете на безопасное расстояние, я выйду. Уговор?

Неожиданно быстро атаман согласился:

– Полковника менять – это правильно. Уговор!

Он подтолкнул Саковича вперед, и тот налетел на сыщика. Едва не упал – чувствовалось, что хладнокровие дается ему нелегко. Алексей Николаевич ободрил пристава:

– Все в порядке, Ромуальд Иванович. Идите вниз. И успокойте там Филодельфина, чтобы он не вздумал палить. Ответственность перед начальством я беру на себя.

Подполковник не заставил просить себя дважды и на ватных ногах начал спускаться. Лыков поднял с колен дрожащего городского, приказал ему коротко:

– И ты иди.

На этаже остались лишь Колька-кун со своими сообщниками и Лыков. Атаман держал в правой руке браунинг, а в левой жестянку из-под конфет. Обращался он с ней осторожно, и сыщик сразу понял, что там настоящая бомба, готовая к взрыву.

– А ты ничего, полковник, – одобрительно усмехнулся Куницын. – Не из робких. Коли не обманешь, мы тебя оставим в живых.

– Сначала надо отсюда живыми выйти, Николай Егорыч, – просто ответил сыщик, и все сразу посерьезнели.

– Ну, с Богом. Николай, вставай слева. Иван, ты справа. Берите меня под руки, – дал команду Лыков, и бунтовщики выполнили ее беспрекословно.

– Зот, ступай мне за спину, как можно ближе.

Так, тесной группой, они начали спускаться. Моряк дышал сыщику в затылок и, кажется, тихонько поминал Всевышнего. Коллежский советник крикнул:

– Мы выходим! Всем стоять спокойно!

Четыре человека медленно, прижимаясь друг к другу, вышли на подъезд. Там полукругом толпились полицейские. Некоторые были с винтовками, остальные держали наготове револьверы.

– Убрать оружие! – приказал Лыков. Все как один выполнили команду, лишь Филодельфин замешкался.

– Ты чего не понял?! – рявкнул на него сыщик, и тот нехотя подчинился.

– Теперь расступились, дайте нам сесть в пролетку.

Четверка двинулась к экипажу. Алексей Николаевич крепко держал атамана с есаулом под руки, баталер сзади наступал ему на пятки. В этот момент сыщик легко мог взять их: хватить двоих лбами друг о дружку, а Кизяков не в счет. Но его останавливала бомба в руках у Кольки-куна. Бомба и что-то еще. Он вдруг понял: ему не хотелось арестовывать этих людей...

Нервы у Лыкова были напряжены до предела. Вдруг какой-нибудь дурак сорвется? Или Филодельфин махнет платком, и из окна пальнет поставленный им стрелок? Но все вокруг хотели жить, и четверка благополучно добралась до пролетки. Расселись, и сыщик скомандовал вознице:

– Гони как на приз!

Пара сильных коней рванула, и они помчались по Ново-Петергофскому проспекту к Фонтанке. Погони за ними не было. Колька-кун обернулся раз-другой и успокоился.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бакинский татарин – азербайджанец (Здесь и далее примеч. автора).

2

См. книгу «Тифлис 1904».

3

Артурец – участник обороны Порт-Артура.

4

Скорбут – цинга, которой особенно страдали участники обороны Порт-Артура.

5

Великий князь Сергей Михайлович – генерал-инспектор артиллерии.

6

Впоследствии вошло в обиход другое название – Циндао, но в 1905 году говорили и писали так.

7

См. книгу «Мертвый остров».

8

Современное название – бухта Цзяочжоувань.

9

Али Ага Шихлинский так и не пошел в тот раз представляться государю. Он сделал это лишь 26 ноября 1905 года на приеме для георгиевских кавалеров.

10

Академия Генерального штаба.

11

Генерал Иванов.

12

Русско-японская война началась в том числе из-за появления лесных концессий на реке Ялу, в местности, входившей в сферу японских интересов.

Совладельцами концессий были лица из ближайшего окружения государя (Безобразов, Абаза, Алексеев и проч.).

13

См. книгу «Пуля с Кавказа».

14

Ванновский П.С. – в 1889 году военный министр.

15

ППС – Польская социалистическая партия.

16

Это был блеф, ложь, придуманная Пилсудским, чтобы солиднее выглядеть в глазах японцев.

17

Лавров В.Н. – начальник военной контрразведки в 1905 году.

18

Товарищ министра – его заместитель.

19

Белое оружие – холодное.

20

Отец «визиря» Ф.Ф. Трепов, знаменитый петербургский обер-полицмейстер, был незаконным сыном германского императора Вильгельма Первого. Его малышом нашли на лестнице фрейлинского отделения Зимнего дворца, куда подбросили после рождения. Как раз незадолго до этого Вильгельм, тогда прусский король, долго гостил в Петербурге. Подкидышу дали фамилию Трепов, от немецкого слова Treppe – «лестница».

21

См. книгу «Варшавские тайны».

22

«Табуретная кавалерия» – ироничное название Отдельного корпуса жандармов, который формально считался кавалерийской частью.

23

ПОО – Петербургское охранное отделение.

24

ГЖУ – Губернское жандармское управление.

25

11 мая 1829 года русский фрегат «Рафаил» без боя сдался превосходящим силам турок. Николай Первый повелел сжечь его, что и было исполнено 18 ноября 1853 года в Синопском сражении.

26

По данным Центрального справочного бюро о военнопленных, в японском плену на сентябрь 1905 года находились 1445 офицеров (в том числе 475 артурцев и 414 моряков) и 70995 нижних чинов.

27

Ферейн – союз, добровольное объединение немцев, действующее при поддержке государства.

28

Дзюк – один из партийных псевдонимов Пилсудского.

29

«Четыреххвостка» – выборы на началах всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов.

30

Бесписьменный – человек, не имеющий документов.

31

Филиппов В.Г. – в 1903–1915 гг. начальник Петербургской (Петроградской) сыскной полиции.

32

При рождении Аркадия Михайловича Гартинга звали Абрам Мордухаевич (по другим источникам Мойшевич) Геккельман.

33

ПСП – Петербургская сыскная полиция.

34

Воинское присутствие – структура, организующая отбывание воинской повинности.

35

В Казанской части по адресу Офицерская, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

36

Кислая шерсть – армейская пехота (ирон.).

37

Проводной – то же, что проводник.

38

Домзак – дом предварительного заключения.

Купить: <https://tellnovel.com/nikolay-svechin/banda-kol-ki-kuna>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)